

The background of the cover is a painting of a large, leafy tree with dense green foliage. In the lower right, two small, dark silhouettes of people are standing on a path. The overall color palette is dominated by greens and browns, with a soft, hazy atmosphere.

Ольга
Скоробогатова

Белая мгла

16+

Ольга Скоробогатова

Белая мгла

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Скоробогатова О. А.

Белая мгла / О. А. Скоробогатова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Не зря говорят - молодость беспечна! Две девушки из Москвы, приехав в Сибирь, теряются в тайге. Им надо выжить в суровом глухом лесу, и неизвестно, как бы все обернулось, если бы им не помогли неведомые и таинственные силы...

© Скоробогатова О. А., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

**Если человек недоволен своей жизнью,
пусть познает холод, голод, жажду и страх.
И когда вернется к прежнему, он уверует,
что попал в рай...**

Глава 1. Доехали!

Две девушки одиноко стояли на трассе. Накрапывал дождь. Несмотря на конец июля, погода была почти сентябрьской. Или им так казалось. Они впервые приехали в Сибирь и не знали, какой должна быть тут погода. Вернее, одна из них бывала тут раньше. Но тогда она была еще ребенком, и почти ничего не помнила. Когда-то отец привозил ее в эти края к бабушке в маленькую деревню и оставлял там на лето. Ее воспоминания были настолько смутными и размытыми, будто это было вовсе не с ней, а с кем-то другим, или просто приснились ей.

Автобус они пропустили и теперь решили поймать попутку. Ехать было не так уж и далеко, километров 80-90, но почему-то никто не хотел их подбирать. Была суббота, народ разъезжался по своим дачам и деревням, нагруженные машины проносились мимо, окатывая девушек брызгами грязной воды – накануне, видимо, тоже шел дождь. Добраться до места на электричке они не смогли, так как она ходила всего один раз в сутки, а на проходящие мимо поезда дальнего следования билетов не оказалось. Они прилетели из Москвы. Одна из девушек получила известие о смерти бабушки. Но, стоя на пустынной остановке, она уже понимала, что на похороны им не успеть...

– Неужели никто так и не остановится?

– Кто-нибудь остановится, только мы уже не успеваем. И рейс, как назло, задержали. Если бы не это!

– Не переживай, Алёнка. Что же теперь делать!

– Не по-людски как-то. Надо бы проводить бабушку.

– Ты же не виновата, что тебе позвонили только вчера. И тут никуда не доберешься, одним словом – Сибирь. Глухомань. Это же надо! Один автобус и одна электричка! Дурдом!

– Да нам еще от остановки придется в сторону пешком идти. Автобус туда и не ходит.

– А далеко?

– Километра четыре, может, больше, вглубь леса.

– А ты уверена, что мы найдем эту деревню?

– Конечно. Там дорога есть, только туда никто не хочет везти.

– Да, дела! И на кой ляд я с тобой поехала? – спросила у подруги Катя.

– Тебе же все равно делать нечего! С работы уволилась, гуляй – не хочу... На приключения, наверное, потянуло.

– А про то, что я просто хотела тебя поддержать, ты не подумала? – спросила Катя.

– Подумала. Ты же знаешь, я шучу. Я тебе очень благодарна, – грустно улыбнувшись, сказала Алёна.

– А откуда ты знаешь, что в ту деревню никто ехать не хочет и про то, что там дорога есть?

– Так дядька сказал.

– А твой дядя там и живет? В этой деревне?

– Да. Он в большой деревне живет. А бабушка жила в малюсенькой деревеньке на реке. Это хутор или заимка называется. Там всего несколько дворов было.

– На Оби?

– Нет, на ее притоке. Речка называется, кажется, Чулым, не помню...

– Смешное название, – захихикала Катя.

– И ничего смешного нет! И вообще река там, ну, у бабушки на заимке, как-то по-другому называется. Это приток Чулыма. У него много притоков. Там вообще рек разных много, озер,

ручьев, ну и болот тоже хватает, – ответила ей подруга. – Замечательные там места. Ягоды, грибов в тайге полно. Когда маленькая была, мы с бабушкой ходили за ягодами.

– За какими?

– За разными. За малиной, за черникой ходили. Только я плохо помню. Один раз с нами дядька был. Он иногда к бабушке приезжал. Привозил продукты, дрова колот, воду в большую кадку носил.

– Помогал, значит, матери.

– А как же! Мой отец уехал в Москву, только меня привозил, когда они с мамой в экспедиции ездили.

– А ты хоть раз с ними была? – спросила Катя, и с интересом посмотрела на подругу.

– Была... Только вот из одной отец так и не вернулся.

– И ты именно тогда там была?

– Нет. Не тогда. В тот раз они меня в лагерь отправили.

– Ты долго переживала?

– Я и сейчас переживаю. А мать недолго страдала. Замуж вышла. Да такого козла нашла. Терпеть его не могу!

– Это в тебе ревность кипит, – воскликнула Катя. – Ты просто папу любила сильно, и простить матери не можешь, что она его так быстро забыла.

– Может, и так. Но я не люблю этого новоиспеченного папашу. Он все пытался поначалу контакт установить, а потом отвязлся. Я ведь, сама, знаешь, всегда занята, то на работе, то в спортзале. Мне не до сантиментов. Просто я помню отца и никогда не забуду, и матери не прощу измены.

– Ты слишком категорична! Твоя мать всего лишь слабая женщина. Ей надо было забыть ужас пережитого горя.

– У нее это быстро вышло!

– Перестань. Смотри на вещи более оптимистично. Вот мы сейчас стоим на мокрой дороге, нам противно и сыро, но все равно, я верю, что сейчас остановится красивая машина и нас подвезут прямо до твоей маленькой деревушки, где жила твоя бабушка. Нам не смогут отказать, ведь мы с тобой такие красивые столичные барышни!

– Вот поэтому, я и позвала тебя с собой! – засмеялась Алёна. – Ты всегда веселая и ждешь от жизни только приятного. А я пессимистка!

– Ничего. Я тебя вылечу от этой напасти. Главное, нам сейчас доехать до этой деревушки, и если не проводить в последний путь твою бабушку, хотя бы постоять возле ее могилы. И можно будет собираться обратно. Мы с тобой должны посмотреть Томск, ведь обратный рейс у нас через неделю. Снимем гостиницу, или комнату у какой-нибудь старушенции и оторвемся по-полной!

– Ох, Катька, у тебя в голове одни гулянки!

– А как твой отец погиб? Тебе мама рассказывала?

– А он не погиб. Он просто умер. Сердце не выдержало.

– А что они там делали в своих экспедициях? Искали что-то?

– Да. Искали. Отец нефтяником был. Искали новые месторождения. А умер как-то странно... Мама говорила – пришел из тайги весь белый, сел на скамью и умер. Вроде как испугался чего.

– Да, странно это все!

– Это было уже давно. Не хочу сейчас об этом вспоминать. Теперь вот бабушка. Правда, я ее помню очень смутно. И старенькая она уже была. Отец у нее младшим был. Всего у нее детей пятеро было. Все разъехались, разлетелись, а отец вообще уже умер. Дядька Иван, самый старший у нее. Ему уже 65 лет стукнуло.

Наконец, возле девушек затормозила легковушка. Из окна выглянула женщина и спросила:

– Девушки, вам куда? Далеко?

– Нет. До Ягодного. А там, в сторону в деревню, – ответила Алена.

– Садитесь, а то промокнете совсем, – сказала женщина. – До Ягодного подбросим вас, а дальше сами. Я там никаких деревень не знаю.

Алёна и Катя схватили свои сумки и сели на заднее сидение машины. За рулем сидел уже немолодой мужчина, он дежурно поздоровался с девушками, и автомобиль рванул по разбитой дороге. Ехали быстро, и почти молча. Алёна смотрела по сторонам, Катя отвечала на редкие вопросы женщины, пожалевшей их – одиноких и промокших девиц в модном прикиде.

– Что-то вы оделись слишком красиво. На каблуках в наших краях тяжело ходить! – сказала женщина и улыбнулась.

– А мы в Ягодное приедем и в кроссовки переоденемся, – сказала ей Катерина.

– А сами-то вы откуда? – поинтересовалась женщина.

– Из Москвы. У подруги бабушка умерла.

– Соболезную.

– Спасибо, – оторвавшись от окна, сказала Алена. – Только я ее не помню совсем.

– Да, из Москвы вы далековато забрались. А как там-то дорогу найдете? Что же вас никто не встретил?

– Некому. Дядя похоронами занят, а больше там и нет никого. Он бездетный. И в разводе давно.

– Очень печально, – сказала добрая женщина. – Боюсь, девочки, что там вас никто не повезет до деревни. Придется пешком идти.

– А ничего, мы справимся. У нас навигатор есть. До деревни доберемся, а там видно будет...

Попрощавшись на остановке с милой сердобольной теткой, девушки сели на мокрую обочину и переоделись в кроссовки. К поселку уходила еще одна дорога, но навигатор показывал совершенно другое направление. Катерина долго соображала, куда же им идти, потом развернулась, вытянула вперед руку и сказала – вон, туда пошли. Алёна посмотрела в указанную подругой сторону и сказала:

– Ну, там же лес. Смотри, даже дороги нет.

– И что прикажешь делать?

– Надо подождать кого-нибудь или сходить в поселок и спросить, куда нам идти.

– Да ладно тебе, не заморачивайся. Навигатор показывает самый короткий путь. Значит, тут есть какая-то старая дорога, по которой и пройдем. А то крюки наворачивать еще!

– Кать, ты забываешь, что это не какой-то там лесок в Подмоскovie, а настоящая тайга. Тут и медведи водятся.

– Ага, рассказывай. Медведи... Ну, что я говорила, вот она – смотри, дорога нарисовалась.

Алена пробираясь сквозь заросли травы и кустов, наконец вышла на старую колею.

– Да, а что ж все заросло-то? – удивилась она.

– Так дорога старая. По ней теперь никто не ездит. Видно только грибники, да ягодники ходят. Вот, смотри – банка из-под пива валяется и окурки.

– Может, все-таки на новую дорогу пойдем? А?

– Слушай, хватит ныть. Пошли. Тут недалеко. Дойдем.

– Ну, как знаешь, пошли, сказала Алёна и зашагала по заросшей лесной дороге.

Шли они долго. В лесу было тихо и прохладно. Вдоль дороги встречались кусты малины, усыпанные красной уже созревшей ягодой. Они останавливались, чтобы поесть ягод и отдохнуть. Сладкая душистая ягода помогала от жажды. Воды у них, конечно, не было, да и съест-

ного ничего в аэропорту не купили. Спешили. Теперь спешить было уже некуда, и они весело шагали, будто прогуливались по парку, иногда, правда, озираясь. Величественная красота тайги завораживала и страшила, а тишина пугала. Вдруг кто-то стремительно пробежал через дорогу и вскарабкался на дерево. Девушки вскрикнули от неожиданности, и подошли ближе, пытаясь рассмотреть маленькое шустрое существо, которое с любопытством взирало на них с ветки огромной елки.

– Это белка? – спросила Катя.

– Нет. Видишь, полосатая спинка. Это бурундук.

– Ой, какой хорошенький! – воскликнула Катерина, умильно сложив ладошки.

– Ага, ничего себе. Симпатичный, – сказала Алёна. – Пошли уже. А то до ночи тут гулять будем. Ночью в тайге мне не очень-то охота оставаться.

– Хватит ерунду говорить. Вон, уже просвет виден. Скоро придем. На навигаторе осталось два километра пути. И направо свернуть надо.

– Тогда что там за просвет? – удивилась Алёна.

– Не знаю, сейчас увидим, – ответила Катя и вприпрыжку понеслась по дороге. – Ой, красота-то какая! – закричала она и весело засмеялась. – Смотри, река. А вон рыбак сидит. Старичок. Вот у него и спросим сейчас, правильно ли идем.

Старик оказался из той деревни, в которую им и надо было попасть. Он поинтересовался – кто такие, откуда? И взялся проводить их до дома дядьки. Девушки обрадовались, они уже были измучены долгой прогулкой по тайге, устали, промокли и хотели есть. По пути он рассказал им, что бабушку уже похоронили и в доме Ивана сейчас идут поминки. А он вот сюда наведалься – решил взглянуть на сеть, поставленную накануне. Вытащив улов из сети, он деловито крикнул и представился:

– Егорыч я. Не стесняйтесь, девчата. Меня тут все так величают. А вас как звать?

– Нас Алёной и Катей зовут, – ответила Алёна.

– Хорошие имена, хорошие! – улыбнулся мужик. – Пойдем что ль, уж окоченели обе. Сейчас примете по сто грамм за упокой Авдотьи Прохоровны, бабки, значит, твоей, – обращаясь к Алёне, сказал Егорыч, – и полегчает. У нас такое тоже редко бывает, чтоб так лило в июле. Ниче, завтра, бог даст, распогодится. И на могилку сходите.

– А далеко еще? – спросила Катя.

– Да нет, недалече. Скоро придем. Что ж вы, девчата, по заросшей дороге-то пошли? Ведь вона, прямо за этой старой дорогой другая есть. Мы все по ней ездим. Только, небось, размыло ее, во время дождя проехать к нам трудно. А дошли бы хорошо, правда подальше чуток.

– А мы по навигатору, – сказала Алёна и укоризненно посмотрела на подругу.

– Ох, и накупают же всяких новомодных штуковин, – засмеялся Егорыч, – хорошо, что прошли. А то еще больше бы заплутали. Через тайгу опасно ходить одним и без ружья. Живности у нас разной много. И медведи попадают. Иной раз ему и в лапы попасть можно.

– А что они на людей нападают? – испуганно спросила Алёна.

– Бывает. Но редко. А кто его знает, чего у животного в голове?

– А мы бурундука видели, и больше никого! – воскликнула Катя. – Нам только медведя не хватало еще!

– Хорошенький такой, – подтвердила Алёна, – на елку залез и на нас смотрел.

– Ой, на елку! – засмеялся Егорыч. – Что ему на елке делать-то? Если только на вас, красавиц, смотреть! Он в кедровнике живет. И кедровыми орешками питается. То кедр был.

– Ну вот! Мы ж из Москвы. Кедр от елки отличить не можем.

– А знаете, почему у бурундука на спине пять полосок? – спросил Егорыч.

– Нет. Так надо, наверное, – сказала Катя.

– Есть такая сказка, аль легенда о том, что его медведь до крови исцарапал, и с той поры у него на шерстке полоски.

– А за что он его?

– Еду не поделили! – сказал Егорыч и захохотал. – У них тоже разборки, как и у людей!

Девушки еле поспевали за жилистым Егорычем, они уже с трудом шли по высокой траве, постоянно спотыкаясь и вскрикивая. Шли вдоль реки по узкой прохоженной тропе, но все равно идти было уже тяжело, наверное, с непривычки. Им нещадно тянули руки тяжелые сумки, казалось, что они стали еще тяжелее. И чем дальше они продвигались, тем больше им казалось, что силы окончательно покидают их.

– Вон, уж деревня показалась, – сказал Егорыч, посмеиваясь, но все же жалея девушек. – Уморились, птахи, давайте сумки-то свои, уж донесу. А то на вас смотреть без слез нельзя!

Подруги не стали перечить и отдали свою поклажу в руки пожилому, но по виду еще крепкому Егорычу. Он взвалил сумки на спину и лихо понес их, вышагивая как на параде. Девчонки прыснули со смеху, а он засмеялся и залихватски погладил себя по седой бороде.

– Есть еще порох в пороховнице! – воскликнул он. – Я еще и приударю за вами!

– Да, жених хоть куда! – засмеялась Катя. – А мы не против, правда, Лён?

– Конечно нет! – хихикнула Алена. – В Москве такого мужика днем с огнем не сыскать!

Им стало значительно легче идти. И еще их радовал вид приближающейся деревни, настроение улучшалось с каждым шагом. Вот они уже подходят к дому дядьки... Сейчас они переоденутся, поедят и отдохнут. Неужели они, наконец, добрались? Приехали!?

Глава 2. Дядька Иван

За столом все уже были пьяны. Кто-то храпел, кто-то плакал, три пожилые женщины в черных платках убирали посуду со стола, когда в дом ввалились две замызганные молодые девицы и Егорыч, обвешанный сумками, как новогодняя елка. Иван сидел во главе стола и тоже находился в изрядном подпитии. Но в отличие от всех своих гостей, сразу заметил вновь прибывших. Он встал и, всматриваясь в девушек, пытался определить, кто из них его племяншка – Аленка. Видел он ее в последний раз так давно, что уж и не помнил когда. Было ей от силы 6 или 7 лет. Еще до школы. Потом уж брат перестал привозить дочь к матери на лето. К тому времени мать стала стареть, болеть, и ей было трудно ухаживать за ребенком. Тем более, что ребенок этот был совсем не приспособлен к тутошней жизни, одно слово – избалованное столичное дитя. Но очень переживала, что не может помочь сыну с невесткой, тем более, что они частенько бывали почти что в этих краях в экспедициях. Первое время они брали Аленку с собой, а потом стали отправлять то в лагерь, то к другой, московской бабушке, которая вдруг вспомнила, что у нее есть внучка, когда девочка подросла. Потом брата не стало, и Иван больше ничего не знал ни о невестке, ни о племяннице. Сам он был всегда занят на промысле. Другой работы в деревне не было. Каждую зиму уходил в тайгу, не до сантиментов. Своей семьи у него не было. С женой развелся, детей не нажил. Так и жил бобылем. Старость подкралась как-то очень быстро, и в последнее время частенько стал вспоминать маленькую белобрысую девочку, которая когда-то жила у его матери. Мать жила на заимке, в стороне от больших сел и деревень. Там и было-то всего четыре двора, а теперь и вовсе осталось два. Она до последнего своего дня жила там и наотрез отказывалась переехать к нему. У Ивана деревня была большая, и с городом сообщение имела. «Скорую» там вызвать или еще чего – все ж лучше, чем в глухой тайге с одним старым соседом. Архип, которого мать звала попросту – Петровичем уж совсем одряхлел, почти ослеп и оглох. Его что ль бросать не хотела? Тот тоже, как упрямый осел, не соглашался уехать из своей глухомани. Так и жили они там вдвоем. Теперь остался Петрович один. Интересно – согласится к нему переехать или опять упрется рогом и останется в своей глуши, один на один с тайгой? Каждую неделю Иван ездил к матери, привозил продукты, лекарства, которые она откладывала в сторонку и все травы свои заваривала. Работы у матери во дворе было много. Надо было и воды натаскать и дров наколоть, огородик небольшой оби-

ходить. А зимой, так совсем лихо было – пока до нее доедешь, сто раз перекрестишься. Того гляди волки выйдут или медведь-шатун. Рысь частенько встречалась. Да что говорить, зимой в тайге пропасть – нечего делать. Он-то мужик тертый, и то, в последнее время это ему было уж в тягость. Стареть стал. Молодой был, зимой по полгода в тайге один зимовал. Чувствовал себя там, как у себя в избе, и зимой, и летом. А теперь случилось что ль что? Тяжко стало и страшно в одиночку. Вот и матери теперь нет. А Петровича надо уговорить, пусть у него век доживает.

– Здравствуйте, – сказала одна из девушек, которая больше походила на брата. Она была светловолосая и пухленькая.

– Алёнка, ты что ль? – спросил Иван, рассматривая девушку.

– Я. Не узнал, дядь Вань?

– Признал теперь. На брата смахиваешь. А по первости, как вошли, так не мог понять кто из вас моя племянка.

– А это подруга моя, она со мной захотела поехать. Поддержать.

– Что ж, это хорошо. Да вы проходите, идите вон в другую комнатку, переоденьтесь, а то промокли все. А потом за стол. Бабушку помянуть надо. Не успели вы. Видать, позвонил я тебе поздно.

Когда девушки переоделись и сели к столу, одна из женщин поставила перед ними чистые тарелки, подвинула поближе к ним остатки еды и, улыбнувшись, сказала:

– Кушайте, детки. Проголодались, небось, горемычные. Егорыч нам рассказал, что вы по старой промысловой дороге к нам шли.

– Ну, помянем бабушку, – сказал дядька Иван, наливая по рюмкам водку, – царствие ей небесное, земля ей пухом...

– Земля ей пухом, – повторили обе девушки и проглотили горькую жидкость.

– Что ж бабке-то не писала? – укорил Алёну дядька.

– Так я и адреса не знала. Мама мне не сказала, а я ее не помню уж совсем.

– А бабушка-то переживала за тебя. В последние дни все просила, чтобы тебя вызвал, да не дождалась. Скучала она по тебе, страдала.

– Так не знала я! – заплакав, проговорила Алена. – Если бы не отчим! Мать совсем забыла об отце. Хорошо, что живу отдельно от них, мне бабушка квартиру оставила.

– Так выходит, что и другая твоя бабушка уж померла? – спросил Иван.

– Да. Два года назад. Тяжко мне было с матерью и отчимом жить. Не люблю я его. А мама в нем души не чает.

– Ну, выпьем еще по стопке, да отдохайте, – сказал Иван. – Ты, не очень-то мать осуждай. Ей тоже счастья хочется. Вот я никому не нужен. Детей нет, жена ушла, в город уехала. Остался я один. А подвернулась бы хорошая добрая женщина, так и женился бы. Счастья все хотят.

– Вот и я о том же! – воскликнула захмелевшая Катерина. – Она все мать простить не может, а надо бы! Женский век короток, не успеем оглянуться, как состаримся!

– Ну, вам до этого еще далеко! – засмеялся Иван. – Еще замуж выходить, да детишек рожать надо.

– А что, бабушка хотела меня видеть перед смертью? – спросила Алёна со слезами на глазах. Водка согрела внутренности, затуманила голову, и ее потянуло плакать.

– Да говорила чтой-то о том, что хочет, чтобы ее дом тебе достался, а не другим внукам. У нее их еще пятеро. Нас же много было, детей-то. И у каждого, кроме меня, по сыну. А у двоих еще и по дочке. Все они тутошние, сибирские. Все хотели этот домик заграбастать. А она все о тебе пеклась. Хотела, значит, тебе оставить. Вот и завещание имеется. Правда, не заверено оно. Но она в нем, обращаясь ко всем своим детям, просила, чтобы они от дома отказались в твою пользу.

– А зачем он мне? И где это? Тут?

– Нет. Это в двадцати километрах отсюда. В тайге. Там что-то типа хутора, заимка понашенски. Всего четыре избы. Две уж обветшали, а две жилые. В одном бабушка твоя жила, а в другом сосед ее Архип Петрович. Дед в сто лет. Считай, одна в тайге будешь, если ее наследство примешь. Говорил я ей, что вот тебе-то этот дом и не нужен совсем, а она настаивала. А ты сама решай. Принимать тебе ее дар, аль нет.

– А другим-то внукам, зачем такой дом?

– Знамо дело, ненашенская, не сибирячка! – воскликнул Егорыч, внимательно слушавший разговор дядьки и племянницы. Так это ж, какие деньги иметь можно! На реке в тайге заимка! Если там отремонтировать все, да устроить что-то вроде турбазы – рыбалка и охота, так это ж золотое дно! Вот все внуки-то и передрались за него. А ты зачем, зачем!

– Так для того, чтобы там все под турбазу оборудовать, тоже деньги немалые нужны. А у меня их нет. Так, зарплата неплохая, кое-какие сбережения. Накопила чуть-чуть. Их все равно не хватит. А в кредит влезать, не зная заведомо, пойдет дело или нет – не хочу. Вот и весь разговор!

– Так там можно все постепенно обустроить. Сначала отремонтировать все. Чай у меня еще руки есть! Да помочь найдем. Так у нас издавна в Сибири заведено. А потом потихоньку – сначала одного, двух рыбаков приветить, а потом пойдет.

– Так тут жить тогда надо! А у меня работа, которую я терять не хочу! – твердо сказала Алёна.

– Ну, думай сама, – сказал Иван. – Тебе решать, отказаться всегда можно. Не горячись, не торопись. Решение и в Москве принять успеешь. Пока туда еще никто не рвется. У всех свои дела. Но особенно-то не тяни. У братьев моих денежки есть. Они быстро там все наладят. Пока еще не говорил я им.

– Что не говорил? – спросила Алена и побледнела.

– Что мать ихняя умерла, не сказал!

– Как это? – совсем побелев и уже чуть не падая в обморок, спросила она.

– Так мать велела! Я, думаешь, изверг какой? Она велела мне не говорить им ничего, пока с тобой не свяжусь.

– С ума сойти! – сползая с лавки, промямлила Катя. – Пойду, покурю. Ну и дела!

– Неужели бабушка могла о таком тебя просить?

– Сам удивляюсь! Чтобы родные дети не проводили в последний путь, из-за какой-то развалюхи на реке в глухой тайге! Странно это. Хотя я тоже согласен с Егорычем. Деньги там можно хорошие делать. Места там знатные. И рыбалка, и охота замечательная. Кедровника много, ягод грибов, купание отменное. Да, ты сама знаешь! Неужто не помнишь ничего?

– Смутно. А вообще-то кое-что вспоминаю. За ягодами мы ходили с бабушкой. И грибы собирали. Помню, потом нанизывали на нитки и сушили на зиму. Она тогда мне впервые в руки иголку с ниткой дала. Мама долго не позволяла.

– Так воспитывают сейчас. От всего берегут. Вот мы, бывалочи, и в тайгу за ягодами-грибами, за шишкой ходили. С малолетства. Кого старшего приставят к нам, и все! И от работы не берегли. И дрова кололи и воду таскали. Скотину пасли, да чего вспоминать-то. Время тяжелей нынешнего было. Некому над нами кудахтать было. В школу сами через тайгу бегали каждый день. Это потом уехали в интернат. Так что наше детство было самостоятельное. Мы быстрее выросли, не то, что ваши московские. Да и сейчас у нас дети более закаленные. Все тоже сами приучаются делать. Отцы на промысел уходят, а сыновья и дочери за место них с матерью остаются.

– А что, все в тайгу уходят?

– А что тут делать-то? Работы нет. Раньше колхозы были, а теперь каждый сам за себя.

– А ты как же? – спросила Алёна. – Тоже в тайге зимуешь?

– Нет. Закончил я с этим. Что-то теперь мне неуютно там. Как брат помер, батя, значит, твой, так что-то перевернулось во мне. Поначалу еще ничего было, ходил. Жить-то надо было чем-то. А теперь на пенсию вышел. Уж пять годков как пенсионер. Так и живем, не шикуюем. Ну, и хозяйство свое. На жизнь хватает. Да и что мне бобылю надо-то?

– А ты знаешь, что там случилось? В тайге. Почему мой папа умер.

– Мать твою говорила белый весь пришел. Будто испугался чего. На лавку присел и все!

– А чего там испугаться можно? Медведя?

– Что ты, нет! – и захохотал. – Медведей-то чего бояться. Без ружья в тайге делать нечего. Не знаю я! Вот и сам когда последнее время ходил, все думал об этом. Жутко как-то становится, чего там может быть такого, чтобы поседеть?

– А он поседел? – с ужасом спросила Алёна.

– Да, весь седой пришел.

– Странно! – воскликнула Алёна.

– То-то и оно!

– А ты нас завтра на могилку к бабушке проводишь?

– А как же! Провожу, постоите, цветов снесете. А потом и в дом, где жила она, свезу. Посмотришь наследство. Поживете там пару дней. Осмотритесь. Там хорошо. Купание, воздух.

– А тут не воздух? – улыбнулась девушка.

– Ну, и тут тоже. А там не тот... Там он звенит! Тайга дает такой дух, что не в пример деревенскому воздуху. Тут у нас и машины и навоз... А там, как вдохнешь полной грудью, так сразу благодать по всей груди разливается. Так нигде не пахнет, как в родном месте, да последи леса. Сама поймешь, завтра.

– А разве мы не на машине туда поедем? – удивилась Алёна.

– Не. На машине туда не проехать. Дорога старая, вся заросла. Так вы, кажись, по ней и шли. Только на лошади, на телеге. Да и развозит там после дождя так, что и лошадь-то с трудом проходит. Только зимой хорошо. Но... зимой свои неприятности бывают.

– Какие?

– А почто тебе знать-то? – слегка улыбнувшись, сказал дядька, – все одно тебе зимой тут не жить. Испугаешься еще чего доброго!

– А если наследство приму, да базу обустрою? – бойко ответила ему племянница. – Так и дорогу надо править будет, и жить тут оставаться. И зимой и летом.

– А зачем? Сделаешь меня администратором, да и кати к себе в Москву. Зимуй. Я тут за место тебя останусь. Теперь, поди, так это называется?

– Так. Да не знаю я... Страшновато дело свое открывать. В лесу, небось, и злых людей много. Браконьеров всяких, а то и похуже – бандитов беглых.

– Всяко бывает. Только ежели об этом думать, так и жить страшновато будет. В Москве-то вашей бандитов что ль мало?

– Есть. Только там можно полицию вызвать, да вообще, людей там много.

– Это да. Народу там у вас видимо-невидимо. Тут оно поспокойней будет. Тут тоже можно и полицию вызвать, только когда приедет, да и приедет ли... Просто тайга не так страшна, как привыкли все считать. Только вот я после смерти брата, бати твоего, тоже стал побаиваться. Не то чтоб бояться, а так жутко что-то иногда становится, когда один. Это старость ко мне пожаловала и больше объяснить мне этот факт нечем.

– Мы с бабушкой за ягодами ходили. Помню, много набрали. И не боялись ничего. Я, правда, маленькая была, а она всегда спокойна была, помню, никогда даже не прикрикнет, голос не повысит. Добрая она была.

– Правда, добрая. Эх, царствие ей небесное... Пойдем спать что ль? Зови подругу. А то она там уж обкурилась.

– А завтра рано вставать? – спросила Алёна у дядьки.

– А как же! На кладбище до обеда ходят, а потом мне надо вас в тайгу свезти. Лошадь с телегой у соседа взять. У меня нет. Я, как к матери ехать, всегда у него беру. Надо такой агрегат бы купить – не помню, как называется, чтоб и летом и зимой по тайге проехать можно было. Чтой-то вроде маленького вездехода. Только вот денег на него так и не накопил... А если старого Петровича к себе заберу жить, так и не нужен он. Ты обратно уедешь, а племянники мои сами пусть там порядок наводят.

– А я еще не решила. Ты мне сначала покажи тот дом и места. Забыла я все. Помню смутно как-то. Вдруг захочу себе оставить?

– Вот я и говорю, гости уж разошлись, ложитесь отдыхать. Завтра день нелегкий будет. А я еще тут, на воздухе посижу, – сказал дядька Иван, выходя во двор.

На бревнах возле избы сидела Катя. Иван подошел к ней, присел рядом и спросил:

– Ну, какие куришь? Угостишь дядьку?

– Конечно! Только они легкие.

– Мне все пойдет. Я курить давно уж бросаю. То не курю совсем, то опять рука тянется. Правда, я всегда «Приму» курил. Она крепкая.

– Я вот тоже все хочу бросить, да никак...

– Ты молодая. Тебе бросить раз плюнуть! Еще детей рожать, а ты травмишься...

– Ага! Это так просто сказать – брось и все! Не получается!

– А ты силу воли подключи! – сказала ей Алёна. – Вот я не курю, так и не хочется.

– Тебя мать все время пилила. Вот и бросила. А меня пилить некому!

– Чтой-то так? – удивился Иван. – Родня тоже курит?

– А у нее нет родни. Она детдомовская, – сказала Алёна.

– Да. Одна я, как тополь на Плющихе! – воскликнула Катька и всплакнула. Выпитая поминальная стопка еще гуляла по молодому и непривычному к алкоголю организму девушки.

– Три тополя на Плющихе! – со смехом поправив подругу, сказала Алёна.

– А, какая разница! – разревелась Катька.

– Ну, что это ты разошлась-то? – спохватился Иван. – Не плачь, устали просто, идите спать. Утро вечера мудренее. Повеселеете, утром-то. – И вспомнил, что утром ничего веселого не предвидится. Поход на кладбище совсем не веселое мероприятие.

Глава 3. Бабушкин дом

Утро выдалось солнечным. Будто накануне дождя совсем и не было. Небо очистилось от туч, и стало прозрачным и голубым, как весной. Трава была еще мокрой, но настроение у девушек несколько улучшилось, когда выйдя на двор, они зажмурились от ярких солнечных лучей. Дядька встал рано, принес букет цветов от соседа, привел лошадь с телегой.

На кладбище были недолго. Дядька Иван постоял немного, потом отошел в сторону, увлекая за собой Катерину – пусть, мол, одна возле могилки постоит, подумает.

Алёна всплакнула, положила букет на свежий холм земли, и срывающимся шепотом попросила прощения у бабушки – за то, что не успела приехать к ней, пока та была еще жива. За то, что ни разу в сознательном возрасте не побывала у нее, не погостила, да что говорить – даже и не вспоминала о ней. Слезы капали из глаз, растекались по щекам, Алёна вытирала их тыльной стороной ладони, и вместе со слезами приходило понимание того, что ничего уже изменить нельзя, сколько себя за это не кори.

Иван понял, что пора уводить племянницу, пока та совсем не разревелась. Он подошел, обнял Алёну и, стараясь успокоить, погладил девушку по голове, как когда-то в далеком прошлом, когда девочка была еще совсем малышкой и так радовала их с матерью.

– Ну, что так убиваться-то! Мать уж старенькая была, больная. Жизнь долгую прожила, устать от нее успела. Как в народе говорят – отмучилась. Царствие ей небесное! – и переkre-

стился. – Не плачь, Алёнка, поедem домой, молочка парного попьете, да на заимку свезу вас. Дом посмотришь. Вспомнишь все. Душа ее еще там витает, там ты у нее прощения и попросишь. Там она тебя и услышит, и простит.

– Поедем, дядь Ваня, – утирая слезы, сказала Алёна. Она еще раз оглянулась на могилу и пошла за дядькой и Катериной к дороге, где стояла лошадь с телегой, на которой они сюда и приехали.

– Никогда еще на телеге не ездила! – засмеялась Катя. – Просто экстрим!

– И не говори, – согласилась с ней Алена, уже немного успокоившись. – Тут и пешком не так далеко, да дядя Иван решил нас в экипаже прокатить.

– А что плохой экипаж? – засмеялся Иван.

– Отличный! – хором воскликнули девушки, и засмеялись.

– А здесь многие лошадей держат? – спросила Катя.

– Есть такие. Хотя в последнее время совсем мало стало. Лошадь кормить надо. Корма заготавливать. Это ж не машина – залил бензин и едет!

– Так и корову надо кормить. Сено косить, тоже тяжело.

– А у нас, кто держал коров, тот и держит. У кого-то козы – с ними проще. Хозяйство, оно заботы и труда требует. Вот я со своей Зорькой расстаться не могу. Она мне как родная. Никого ведь нет, кроме нее. Лаек двух держал раньше, когда в тайгу ходил. Так умерли от старости. Больше не завожу. Старый стал. В тайгу не хожу, ну, если только недалеко. За кедровником, за живицей, да за грибами. Это все там, у матери на заимке. Там и ходить-то далеко не надо – за забором тайга. Река там знатная. Рыбы много. Дак, сами увидите. Может и понравится, задержитесь, отдохнете. Успеете еще в Москве выхлопными газами надышаться.

– А мы Томск посмотреть хотели, – сказала Катя.

– Ну, глянете. Че там смотреть-то? Вот на реке и купание, и солнышко. Вона погодка-то как разгулялась. Только купаться и загорать.

– Может, ты и прав, – согласилась с дядькой Алёна. – Погостим немного, осмотримся. Я в отпуске не была еще, никуда не ездила. Вон, какая белая, как молоко.

– Я тоже согласна. Че мы там, в городе забыли. Может, за ягодами сходим? Такие вкусные, мы по дороге к вам поели немного, – сказала Катя.

– Так можно. Только без меня не ходите. А то заблудитесь еще.

– Хорошо, не пойдем, – сказала Алёна.

Девушкам показалось, что ехали очень долго. Лошадь шла почти шагом, выбирая дорогу. Телега утопала в высокой траве, но ехала, подпрыгивая и переваливаясь из стороны в сторону. Иной раз казалось, что она вот-вот перевернется, девушки визжали, а Иван посмеивался в усы, и умело управлялся со своим «транспортным средством». Он задумчиво сидел, держа в руках поводья, и почти весь путь молчал. А Алёна с Катей смотрели по сторонам и восхищались красотой и величием леса. Теперь они ехали, а не шли, светило солнце, а не моросил противный дождь, девушки, сидя на соломе рядом с Иваном, чувствовали себя защищенными и почти счастливыми. Все им было в новинку, все интересно, все радовало.

– Ну, вот и приехали, – сказал Иван и натянул поводья.

– Ой! Какая красота! – воскликнула Алена.

– Обалдеть можно! – согласилась с ней Катерина.

Девушки молча глядели на стоявшие на небольшом холме избы, обнесенные добротным забором. Две стояли рядышком, и казались новыми, а еще две покосились, забор был кое-где поломан, но впечатление производили домов жилых, а не заброшенных. Прямо под ними текла река. Река простиралась далеко и казалась очень быстрой. Трава изумрудным цветом покрывала берег и склон, на берегу росли большие деревья, некоторые стояли практически в воде. А от домов спускалась узкая тропинка к песчаному берегу реки, образуя небольшой

пятачок, будто пляж, вода у которого была чистой и прозрачной. Перед забором росли высокие деревья черемухи и рябины. Ягоды на рябине уже набирали алый цвет, черемухи шелестели листьями, давая густую тень, к забору прислонилась небольшая лавочка. Прямо за домами стоял высокий лес, тайга...

– Ну, что застыли, рты пооткрывали, слезайте, пойдем что ль. Лошадь напоить и накормить надо.

Девушки соскочили с телеги и стали ждать, пока Иван открывал ворота крайнего дома и заводил во двор лошадь. Войдя во двор, они увидели добротный сарай, лужайку, небольшой огородик, на котором зрели огурцы и помидоры. Возле окон цвели цветы, по скошенной траве палисадника ходили куры, и постоянно что-то клевали, иногда косясь на девиц, будто опасаясь их.

– А кто же кур кормит? – удивленно спросила Катя.

– Как кто? Петрович. Он присматривает за хозяйством, ну и я тут иногда кой чего делаю. Мать уж совсем плохая была, а все сажала что-то, да сеяла. Поговорка такая есть – собираешься помирать, а пшеницу сей... Что тут говорить. Вот уж и матери нет, а огород ею посаженный вона какой!

– Да, – чуть не плача, сказала Алёна. – Тут и в магазин ходить не надо – все на грядках. И укроп и петрушка и лук...

– И коза в сарае живет. Подоить надо вечером, умеете? – спросил дядька.

– Козу? – округлив глаза, и с ужасом смотря на дядьку, воскликнула Алёна.

– Козу! У бабушки твоей коза живет – Белка. Осиротела теперь!

– И как же теперь с ней быть? – испуганно взирая на улыбающегося Ивана, выдохнула Катерина. – Мы никогда не доили коз!

– Да не бойтесь, девчата, шучу я. Петрович подоит. Он и вас научить может. А что – дело не хитрое!

– М-мы постараемся, – почти промычали испуганные столичные девицы, никогда не выдавшие, как надо доить коз.

– А где она сейчас? – спросила Алёна.

– Скоро Петрович ее приведет. Пасется она.

– Ага, – кивнули обе девицы. – Больше никакой живности нет?

– Нет. Собака полгода назад издохла. У Петровича тоже давно уж собак нет. Кошка только. Он и помогал матери тут во всем, хотя сам – не поймешь в чем душа держится. Он ведь старше матери на 3 года. Ему уж 90 скоро стукнет.

– Ничего себе! – воскликнула Катя. – Нам так не жить!

– А ты чужой век не считай. У каждого свой. Может, и ты до ста лет доживешь!

– Ага. До ста! В Москве до пенсии бы дотянуть! Гарь, шум, ужас, да и только! Продукты все – не поймешь, из чего сделаны, химия и жизнь называется!

– А кто вас там держит? Вот, принимайте наследство, вместе с курами и козой Белкой. Будут вам тут и яйца свежие и молоко, и овощи. В лесу земляника, черника, малина, клюква, брусника! Грибов разных видимо-невидимо, кедровник... А дичи в тайге сколько! А рыбы в реке! Натуральное хозяйство!

– Заманчиво рассказываешь ты, дядь Вань! Только мы люди городские, к труду на земле не привыкли. Нам там привычнее.

– Конечно! У вас в квартирах центральное отопление, вода холодная и горячая, нужник теплый, чего не жить! А тут воду натащить, нагреть, руками постирать, в реке выполоскать! Печь растопить, а перед этим дрова наколоть, ой и мучительно же! – сказал Иван и засмеялся. – Тут вам совсем не сподручно. Да и в хозяйстве всегда мужик нужен. А мужики у вас есть?

– Нет. Мужиков пока не нашли. А тут и подавно не найдем! Один твой дед в 90 лет!

– Это точно! – улыбнулся Иван.

Тут отворилась калитка, и во двор вошел старенький дедушка, ведя за собой пегую козочку. Дедушка был высокий, жилистый и совершенно седой, с белой, на удивление густой шевелюрой, и с аккуратно подстриженной бородой. Глаза его пытливо всматривались в двух девушек. Старик переводил взгляд с одной девушки на другую, пока не остановился на Алёне. Он ласково ей улыбнулся и, подойдя к ней, обнял.

– Приехала, внученька! – сказал он. – Не дождалась тебя бабушка, а как страдала, как хотела увидеть тебя. Вот и мне наказала, если ты приедешь, оберегать тебя и помогать тебе во всем.

– Спасибо, дедушка Архип, – сказала Алёна. – А как вы меня узнали?

– А ты мне не выкай. Я тебе не какая-то там птица важная. Просто старый дед. А как другую внученьку зовут? Подруга что ль твоя? – вглядываясь подслеповатыми глазами в Катерину, спросил Петрович.

– Катя я, – пропищала девушка.

– Так ты на отца похожа, – пояснил Алёне дед Архип. – Одно лицо!

– Я знаю. А вы папу моего помните?

– А как же! Я всех помню. Только вот давненько никто тут не появлялся. Кроме Ивана. Ну, твой-то батя помер, царствие ему небесное! – и Алёне показалось, что в глазах старика блеснула слеза, – а остальные и глаз сюда не кажут. Матери совсем не помогали, а все туда же! Заграбастать хотят заимку. Только моего дома им не видать, как своих ушей!

– Ну, ладно дед, что-то ты развоевался! Знакомь девчат с Белкой, да в дом пошли.

Петрович подвел Алёну и Катерину к козе, которая опасливо шагнула назад и прижала рогатую голову к ноге деда.

– Не бойсь, Белка, они тебя не обидят.

Девушки тоже с некоторой опаской подошли ближе, Алёна протянула руку и погладила козу по голове. Катька вся сжалась и, зажмурившись, сделала то же самое. Дед удовлетворенно кивнул, и завел Белку в сарай.

– Вот и подружались! – сказал старик, – а теперь заходите в дом, уж щи простыли в печи. Я накануне сварил. Сейчас принесу, обедать, чай, пора! – и пошел к себе, в соседний двор.

Алёна и Катя зашли в сени, сняли обувь и прошли в комнату. Комната была большая, полы чисто вымыты и покрыты домоткаными дорожками, возле большого стола, стоявшего посередине, добротные деревянные лавки. Между двумя оконцами с сатиновыми занавесками стоял комод, над которым висело зеркало, две кровати, и печь. Алёна сразу вспомнила эту комнату, ей стало тепло и радостно на душе – будто домой вернулась... На столе стоял глиняный кувшин с молоком и накрытый льняным полотенцем еще теплый хлеб. Алёна удивленно взглянула на дядьку Ивана, а он улыбнулся ей и весело подмигнув, сказал:

– Хозяин. Хлеб печет. Молодец старик. Эх, боюсь, не согласится он со мной в деревню уехать.

– Офигеть! – воскликнула Катя. – Вот это экзотика! Я такого никогда не видела! И печь, и изба! Да как чисто и уютно.

– Мать моя хозяйкой до последнего дня оставалась. Эх, жаль, не увидела ты ее, Алёнка. Она ведь почти на ногах и умерла! – помянем сейчас, ведь мы только с кладбища. – Дядька полез в буфет и достал оттуда бутылку самогона и четыре стопки. Самогон был почти черного цвета, и Катька посмотрела на бутылку с некоторым недоверием. – На кедровых орешках настоящая! – пояснил дядька. – Что ж ты, Алёнка, как не родная! Давай, хозяйничай, тарелки ставь, хлеб режь, сейчас Петрович придет, и сядем обедать. Девушки засуетились, осмотрелись, и быстро разобрались, что к чему. Они как-то сразу все нашли и накрыли на стол. Катерина выбежала на двор, сорвала на огороде огурцов и помидоров, нарвала зелени, и, войдя в сени, деловито все вымыла в миске с водой. Тут и дед Архип подошел. Он улыбнулся Катерине, погладил ее по голове и устало сказал:

– Вот бы остались тут. Ладно, у тебя все получается. И мне мороки меньше. – В руках он держал кастрюлю со щами, даже не кастрюлю, а большой чугунный горшок, от которого шел восхитительный запах.

– Погостим немного, – сказала Катя, – как вкусно пахнет!

– Ну, пошли скорее за стол, а то щи опять простынут. Проголодались, чай. Дорога-то неблизкая была.

После обеда Иван заторопился домой. Дома хозяйство, вечерняя дойка, да и путь не близкий, как правильно заметил дед Архип. Дядька покурил вместе с Катей на лавочке возле забора, вывел лошадь за ворота и уехал, обещав приехать к ним через два дня. Перед отъездом он строго настрого запретил девушкам в одиночку ходить в тайгу. Девушки заверили его, что у них этого даже в мыслях нет, что они дальше берега реки никуда не собираются, успокоившись, дядька чмокнул племянку в щеку и уехал.

Алёна вынесла во двор посуду, налила в таз воду и стала ее мыть. Вода из колодца, который был в конце этой малюсенькой деревушки, прямо перед четвертым домом, была холодной. Катя наблюдала за тем, как подруга борется с жиром, налипшим на тарелки, и посмеивалась.

– Алён, надо было нагреть воды. Печку растопить сумеешь?

– Нет. Надо спросить у деда. Он пошел отдохнуть, потом спросим.

– А что там трудного? – удивилась Катя. – Давай я попробую.

– Там надо какую-то заслонку открывать, а где она находится, я не знаю. Иначе угореть можно.

– Да, дело нелегкое. Как мы тут согласились остаться, сама не понимаю!

– А что непонятного? Захотелось в речке покупаться, позагорать, а о трудностях деревенской жизни мы не подумали. Еще про козу не забыть бы!

– Дедуля придет. Он-то помнит, что ее доить надо. Скоро уж. Сейчас полежит часок, да покажет нам свое искусство. Мастер-класс по дойке коз! – сказала Катерина и расхохоталась.

– И ничего смешного в этом нет! – услышали девушки, голос подходившего к ним Петровича. – Это наука, хоть и не мудреная, а все одно – учиться надо.

– Да, дедушка, мы будем хорошими ученицами, – сказала Алёна, заканчивая с мытьем посуды.

– А как ты подошел к нам? Мы не слышали. Ну кА, рассказывай дедушка, где ты так тихо ходить научился.

– Где ж еще – в тайге. Охотник ведь наипервейший был. В тайге шуметь нельзя, тайга этого не любит. Будешь шуметь – она тебя накажет. И голодным останешься, и сам можешь стать чьим-нибудь кормом.

– А у вас тут хищники есть? – испуганно спросили девушки.

– А как же! И волки, и рыси, и кабаны стали появляться, раньше их не было. Да и мишки иной раз могут напасть. Они ж не все такие покладистые. Мало что ему в голову взбредет. Медведей у нас тут больше всего. Они на реку выходят – рыбу ловят, особенно в нерест. Харюса любят. А волки летом не нападают. И так дичи в тайге полно. А вот зимой... Да что говорить, девчата, без ружья в тайге делать нечего и ходить по ней надо тихо. Браконьеры тоже попадают. Они чаще всего мирные к людям, а иной раз и обидеть могут. Самый страшный зверь в тайге – это человек. Страшнее его нет никого!

Две подруги сидели на крыльце притихшие, слушали старого, издавшего вида человека, охотника. Куда им в тайгу! Хотели за малиной сходить, да теперь и с дядькой Иваном страшно будет. Напугал их дед Архип. Правду сказать – за забором им ничего не угрожало, а вот если подальше...

– А за забор-то выйти можно? Малины пособирать?

– Да можно, но ведь не зря мы такие заборы-то налаживали. И туда могут незваные гости из леса пожаловать. Тут, в прошлом году, забыл я калитку закрыть, так медвежонок пришел, и такой мне порядок в огороде навел – ничего не осталось. У бабушки твоей столовался. У ней урожай хороший был, на двоих хватило. Вот мы тут и запираемся, за высоким забором живем, ведь прямо в тайге!

– И часто такое случается? – спросила Катя.

– Да нет, не пугайтесь, внученьки, не часто. Зверь он тоже не дурак, к человеческому жилью идет только когда подопрет совсем. А тот медвежонок совсем малой был, потерялся, видать. Так, покуролесил и ушел.

– А что значит, подопрет? – с глазами как у напуганной улитки, спросила Алёна.

– А голодно когда им. Вот в избушку часто наведывались. Там они лесные хозяева, вот и брали, что хотели. Или уж когда совсем голодно, в лютые морозы, да в засуху. А вообще медведи зимой спят. Небось, в школе-то проходили.

– Да. Проходили. Только дядя Ваня сказал, что и шатуны бывают.

– А как вы думали? Разбудит, какой-нибудь незадачливый охотник, вот он и мечется потом, заснуть не может. Ну, пойдем что ль, покажу вам, как козу доить надо. А то без молока сидеть будете. И козе вред!

– А если у нас не выйдет ничего? – спросила Катерина.

– Тогда мне придется. Хочется, чтобы вы хоть эти два денечка вкусили деревенской жизни. Прочувствовали, как тяжело на земле жить и пропитание себе добывать. Тем паче, в таком суровом краю, как наша Сибирь.

– Да... Тяжко, мы уж поняли! – согласилась с дедом Катерина. У меня тоже жизнь не сильно сладкая была, а такого я и не нюхала.

– А что это ты про свою жизнь так говоришь? Что ж в городе тяжелого? – удивился дед Архип. Работать-то везде надо, без работы куска хлеба не съешь!

– Я, дедушка, в детдоме выросла. Родители мои меня бросили в младенчестве, вот так! Сирота я.

– Ой, внучка, прости, не знал. Ну, сирота, пошли, молоком напою. Картошки принесу, сварите, да с грибочками! Пальчики оближете!

– Здорово! А какие грибочки у вас тут растут? – поинтересовалась Катерина. Я люблю грибы собирать. Мы в детдоме часто грибы собирали, поварихе отдавали. Она, что получше – себе брала, а остальное нам жарила. Суп варила. Я люблю грибы!

– И как только у нее рука поднималась у вас грибы забирать? У сирот?

– Если бы только грибы! Они все тащили. И масло, и печенье, и конфеты. Тушенку сумками выносили. Одну уволили, другая пришла. Такая же!

– Да как же можно у детей красть? – искренне расстроился дед.

– Можно. И крадут. И никто их не наказывает за это. Ни суд, ни бог, ни черт! Морды себе отождрали, и зады тоже. А наши малыши, даже конфет не получали, которые спонсоры привозили.

– Ужас, хватит, Катька, а то сейчас заплачу. Было бы у меня много денег, я бы сама туда и конфеты и фрукты возила. И собственноручно выдавала бы детям. Чтобы не украли!

Молоко оказалось вкусным. Алёна и Катя впервые попробовали козье молоко. Алёна, конечно, пила его раньше, но вкуса не помнила, потому что была маленькой. Тут у бабушки на заимке. Бабушка всегда держала коз.

– Ну как молочко? – спросил дед.

– Прекрасно! – ответила Катя. – И козу доить не так уж сложно оказалось!

– А у меня так и не получилось! – расстроено воскликнула Алёна.

– Получится еще, – сказал Петрович. – Что ж, сейчас повечеряем и спать. Завтра осмотритесь получше. Покупаетесь. Реку вам покажу, пройду с вами, а то совсем засиделся.

– Дедушка Архип, я все спросить у дядьки хотела... Наш дед, ну, бабушкин муж, он где? Я его не помню. Не было его уж тогда, когда я тут гостила.

– Так он давно пропал. В тайге сгинул.

– Как сгинул? – удивилась Алёна.

Катя, закуривая сигарету, аж поперхнулась.

– Так и сгинул. Ушел на промысел, в каком году уж и не помню точно, в пятидесятых было... Искать ходили его, да так и не нашли. Как в воду канул! Убили видать!

– За что? – спросили девушки хором.

– Так кто его знает, за что? А может и сам помер. В тайге можно и ногу сломать и заболеть. Там докторов нет.

– Страшно как! – задумчиво сказала Алёна.

– Так не он один. Бывали случаи. Пропадали люди. Уйдут в избушку и не возвращаются.

– А что за избушка? – оживилась Катерина, выпустив большое колечко дыма.

– Охотничья! Не на курьих же ножках! – засмеялся старик. – У нас у каждого тут свой участок охотничий был. Да и по сей день есть. И у каждого своя избушка лесная. Да не одна. Вот до моей пока дойдешь... Я в нескольких ночевал, пока до своего участка доходил. Бывало и в тайге, в шалаше. Или гамак на дерево вешал. По-всякому бывало. Далеко у меня мой участок.

– И сколько же туда идти? – затаив дыхание, спросила Алёна.

– Почти три недели. Если пешком. Бывали годы, меня туда на вертолете забрасывали. Места там непроходимые, дорог нет. Зато место – сказка!

– А как на вертолете?

– Просто. На поляну садился. Летчик у меня знакомый был. Еще с войны.

– А ты воевал?

– А кто тут не воевал? Все наши воевали. А молодежь в деревне, еще и в Афганскую воевали. Есть тут у нас один парень – видный, молодой, охотник хороший, тебе бы такого мужа! Так он и в Чечне был. Куда пошлют, там и воевали!

– А наш дед тоже на фронте был?

– И твой был! Там уцелел, а у себя в родных местах сгинул.

– Странно это как-то! – тихо сказала Катерина. – Неправильно.

– Ванька – дядька твой, в его избушке жил всегда. Там промышлял. Соболя бил, белку. Он там по полгода жил. Чай, дома-то не ждали! А теперь в тайгу нос не кажет. Как твой батя помер, так как отрезало. Дальше нашей заимки не уходит. Привезет все, бывало, матери, да и мне, что попрошу, купит, дела подделает, и обратно в деревню. Ну, тут у нас за забором пошастает – орехи, когда сезон собирает – кедровые, живицу, ягоду всяку, грибы. Тут у нас далеко ходить не надо.

– А чего он боится? – спросила Алёна.

– А кто его знает? Сама у него спроси! – дед встал и, уходя, наказал, – калитку заприйте хорошенько. Печь я вам растопил, дом тоже заприйте, да коли чего кричите. Я сплю плохо, услышу. Спокойной ночи, как там девки гадают... А... сплю на новом месте – приснишь жених невесте! – и по-молодецки рассмеявшись, удалился.

– Да, веселый дед у твоей бабули в соседях! – рассмеялась Катя. – Было бы ему годков на 40 меньше! Я б его закадрила.

Девушки посмотрели друг на друга и дружно рассмеялись. Алёна представила подругу с дедом Архипом в обнимку и расхохоталась еще сильнее. А Катерина так и вообще никак не могла успокоиться...

Утром девчонки спали долго. Уже ближе к одиннадцати часам, услышали стук. Стучался дед. Потом кричать начал:

– Внучки, пошто спите так? Вставать давно пора. Козу-то мне хоть выдайте, ей уж и подоиться пора и покормиться!

Алёна вскочила с кровати и в чем была, выскочила на двор. Открыла калитку и опять заскочила в сени. Накинув на себя легкий халат, снова вышла и сладко потянулась.

– Эх, молодежь! Спать, что ль сюда приехали? – покачив седой головой, сказал старик. – Кур-то выпустите, пусть гуляют, а козу я заберу. Привяжу ее на лужайке, пусть травку зеленую пощиплет.

– Ой, дедушка, мы так вчера устали! – пыталась умаслить старика Катерина, которая тоже выползла из дома на яркое солнце.

– Устали! Молодые вы, вам сил не занимать. Как говорят-то – кто рано встает, тому и бог подает! А вы приехали на день-другой и спите до полудня! Идите на речку, искупайтесь, позагорайте, а потом и позавтракаем. Поздновато, правда. Молока принесу скоро. А вы сходите в курятник, да яйца поглядите.

– А как? – удивленно спросила Алёна.

– Ох, всему вас учить надобно! Одно слово – городские. Сейчас сам посмотрю. А вы решайте, завтра с Иваном поедете, аль тут еще задержитесь.

– А вы тут скучать не будете? – игриво спросила Катя. – И подойдя к деду, поцеловала его в морщинистую щеку. – У меня никогда не было дедушки, как приятно иметь деда!

– Да. Целоваться ты умеешь, подлиза, а вот чтой-то Алёнка меня не целует?

– Отчего нет? – сказала Алёна, подошла к старику, обняла его и поцеловала. – Спасибо вам, за бабушку!

– Я ж тебе говорил! Не Выкать мне! Вы для меня обе внучки, – однако, отпускать от себя Алёну не хотел. Так и стоял, обняв девушку.

Катерине показалось, что дед как-то слишком близко к сердцу воспринял поцелуй и объятия Алёны. Глаза у него повлажнели, он вытер катившуюся по щеке слезу рукой и сказал:

– Ну, будет, будет, расчувствовались мы. Надо уж за дела приниматься. Пойду я...

– Что это старик так зашелся, когда ты его обняла-то? – спросила Катя у подружки, нежась на берегу речки, после купания.

– А я почему знаю? Думаю, просто вспомнил меня маленькую, вот и всплакнул. А тебе понравилось у бабушки в доме?

– Здорово! У Ивана вроде тоже деревенская изба, да не прибрано там, по-мужицки как-то выглядит. А тут, так уютно, тепло. Видно, что хозяйка добрая жила. Все с любовью обустроено. И кровати эти с подушками от мала до велика, как в старых фильмах. Я ведь не видела такого никогда. Вчера с керосинкой сидели, а свет-то в доме есть. Абажур-то висит и провода проложены.

– Генератор у них тут. Свет сюда не подведен, – сказала Алёна. – Я это сразу поняла. Шумит, слышишь? Старик, наверное, включил. А вчера не было.

– Точно. Шумит сильно. Ты как? Накупалась уже, может, пойдем?

– Давай, – Алена встала, собрала кое-какие вещи в пакет, глянула куда-то вдаль и сказала, – а речка-то тут маленькая. Не широкая, но быстрая. И заросла вся.

– Да. Это не Обь. Там, небось, и берегов не видно!

– Нам и тут хорошо! – сказала Алёна. – Иван говорил, что тут рыбы много.

– Думаю, да. Тут никого. Дикий край! Деревня далеко, может, рыбаки появляются?

– У деда спроси. Пошли домой. Надо переодеться и вдоль берега пройтись. Деда прогулять, он вчера хотел.

– Давай, – Катя тоже встала и побрела по тропинке к дому, ее разморило на солнце и хотелось только спать, а не гулять по берегу.

Войдя в прохладную избу, девушки обнаружили на столе только что испеченный хлеб, от которого шел аппетитный дух и крынку молока. Подруги восхищенно вскрикнули и набросились на еду.

– Вкусно как! Это тебе не Макдональдс, настоящее молоко и настоящий хлеб. Дедуля дает! – дожевывая кусок ароматной краюхи и запивая молоком, сказала Алёна.

– Точно. Слушай, а может, с дедом за забор ходим? Малины наберем. Есть тут малина?

– Думаю, есть, а там кто ее знает.

– Вам Иван что велел? – опять появившись почти бесшумно, сказал старик. – В тайгу без него не ходить.

– Ой, дедушка Архип, а ты нас не проводишь? Страсть как малины хочется набрать! – спросила Катерина.

– Я что, я могу, только старый я, если только недалеко. Прямо за забором нет ничего. Там крапива одна. А вот чуть подальше малинник есть, там много ягоды. Ходил третьего дня. Варенье сварил. Зимой без малины совсем беда. Насушил в печи немного, в чай добавляю, завариваю, когда хворь пробирает. Раньше ведь у меня и пасека была. А теперь с медом беда. Иван привезет немного, так берегу его.

– Ну что, пошли? – спросила Алёна, беря в руки пустой бидончик, и подавая Кате небольшой глиняный кувшин. – Хватит и этого, – рассматривая емкости, проговорила Алёна. Это бы наполнить.

– А куда ты собралась-то в таком виде? – удивился старик. – Чай, не на прогулку по деревне идешь. В тайге тебя гнус заест, мошка там всякая, клещей полно. Одевайтесь так, чтобы все закрыто было и сапоги наденьте. Вон у бабушки твоей стоят в уголку. Если не по размеру, так я принесу еще.

– А как нам одеваться? У нас кроме джинсов и курток ничего нет. А в них жарко.

– Ниче, пар костей не ломит! – улыбнулся старик. – Куртки у вас совсем легкие, а на голову платки повяжите, да так, чтобы лоб покрыт был.

– Ну, я так не хочу! – заныла Катерина. – Совсем спаримся там! И ягоды не в радость будут.

– А иначе в тайгу и не ходят. Наловишь энцефалитных клещей, что потом делать будешь?

– А у нас прививки! Мама мне велела сделать, перед поездкой. Иначе бы не пустила. И у Катки тоже. Мы вместе делали.

– Ох, ты! Молодцы... Это хорошо, а что ж и в Москве такие прививки делают?

– У нас тоже стали такие клещи появляться. В Травмпункте делают.

– А когда мы с тобой в прошлом году в Индию ездили, помнишь, сколько прививок делали?

– Ой, лучше не вспоминать...

– Ну и правильно, – сказал старик, – береженого Бог бережет, лучше перестраховаться. Все, оделись? Пошли тогда. Только зайду домой, ружье возьму.

– Ружье? – удивилась Алёна. – Мы же рядом, зачем нам ружье?

– Раз сказал, знать надо так! – возразил ей дед. – На всякий случай.

– А ты в свой маленький рюкзачок навигатор положи, да попить возьми, – сказала Катя подруге.

– Точно, надо водички взять, а то мы в таком прикиде, что пить будет хотеться постоянно. Вода с потом выходить будет, – согласилась Алёна.

– Ну вот, собрались, готовы мы. Веди нас, дедушка, сейчас ягод наберем, а вечером с молоком, да с хлебом полакомимся, – сказала Катерина и, взяв в руки кувшин, направилась к двери.

– Что ж, пойдем, провожу вас, да сам косточки разомну. – Старик вышел за девушками и, велев им подождать немного, зашел к себе за ружьем.

Через несколько минут старик и девушки зашагали по узкой тропинке, ведущей в тайгу. Тропа огибала избу и уходила далеко в лес. Сначала они шли мимо каких-то кустов или мелких деревьев. Кое-где торчали молодые березки, хвойных деревьев не было вообще. По обеим сторонам тропинки высокая трава распадалась, будто пробор, в ней копошились насекомые, жужжали трудяги шмели. Бабочки, со свойственной им беспечностью, перелетали с цветка на цветок, и пили сладкий нектар, заросли Иван-чая радовали глаз, слегка качаясь на легком ветру, и были похожи на розовые облака, спустившиеся с небес. Солнце грело, ласкало землю и на смену утренней прохладе, и ароматам свежей зелени, пробуждались запахи послепоуденного леса, прогретой коры, сладко-пряного аромата земляничной листвы, и едва различимый запах хвои. Впереди, за небольшой поляной, усеянной крупными ромашками, стоял высокий, уходящий высоко в небо хвойный лес. Пейзажи были настолько волшебными и умиротворяющими, что девушки, не обращали внимания ни на нещадно палящее солнце, ни на то, что тропинка внезапно кончилась, и им теперь приходилось переходить нехоженое поле, высоко поднимая ноги и постоянно спотыкаясь о кочки. Дед Архип не отставал от девушек ни на шаг, и, казалось, совсем не утомился:

– Скоро придем, – сказал старик, – вон там малинник, чуть не доходя до высокого леса.

– А вы не устали, дедушка, – забеспокоилась Алёна.

– Устал, но сейчас отдохну. Сяду на пенек и буду вас охранять, пока вы ягоду собирать будете.

– А почему возле домов ничего нет? – поинтересовалась Катя.

– Так вырубил лес-то, когда строились. Теперь там всяка поросль растет, а ни елок, ни кедров нет. Молодой лесок. Малина там тоже есть, но маловато. Тут побогаче будет.

– Так ведь вы уж давно строились, что же там ничего так и не выросло?

– А зачем? Так посмотришь – за домами тайга. Мы прошли-то чуть-чуть. Это только поле такое большое, и то, кажется только. Просто жарко, да и шли, отвлекаясь – то на цветочки, то на бабочек. Вы ж девчата, вам это интересно.

– Неужели мы совсем рядом с хутором?

– Меньше пятисот метров прошли. Рядом совсем.

– Ничего себе. А почему мне показалось, что мы ушли далеко?

– С непривычки это. Далекое я бы вас и не повел. Да и сам не дойду. Ну, вот, пришли. Я сяду, а вы работайте. Бидончики маленькие у вас – быстро наберете.

Девушки занялись сбором ягод, малина была крупная и сочная, и так и просилась в рот. Но девушки хотели побыстрее наполнить бидоны, а уж потом вволю наесться сладкой и пахучей ягодой. Дед Архип задремал в тени, сидя на большом пне. Ружье он поставил между ног и, опираясь на него, давал храпака.

– Сейчас наш Петрович всю живность в тайге распугает, – засмеялась Катя.

– И не говори, – улыбнувшись, сказала Алёна, – пусть поспит. Устал он. Хоть и недалеко отошли, а он притомился. Старенький он.

– Точно, на солнце разморило. Жара. Кто бы мог подумать? Приехали, дождь обложной лил.

– Погода тут неустойчивая. Да и земле надо воды попить. А то засохнет все. И пожары могут быть лесные.

– Лён, я уж набрала кувшинчик. Пойду, посмотрю, что у деда за ружье.

– Ты что? С ума сошла! Ружье-то тебе чего далось?

– Да ради интереса. Гляну просто.

– А оно не выстрелит?

– А чего ему стрелять-то? – засмеялась Катерина. – Не бойсь, у меня все схвачено!

- Что схвачено? – испугалась Алёна.
- Да умею я с оружием обращаться. Вот и все!
- Умеешь? Откуда? В детском доме учили?
- Я биатлоном занималась много лет. Стреляю, не хуже любого охотника.
- Первый раз слышу! – удивилась Алёна.
- А разве я тебе не говорила?
- Нет.
- Я в Спортшколе училась. Олимпийского резерва! Не хухры-мухры!
- А что ж бросила?
- Не знаю. Что-то в голову вступило. Роман закрутила с одним. Он меня и отговорил, я уже школу заканчивала, взяла и бросила. А потом он меня бросил. Вот и вся сказка.
- Так, выходит, ты и на лыжах умеешь кататься?
- Ага, кататься! Бегаю, не догонишь! – захохотала Катька.
- Чегой-то? Что стряслось? – проснувшись, и встревожено оглядываясь, спросил дед Архип.
- Все нормально! – сказала ему Катерина. – Мы уж набрали ягод, пора обратно идти. Ты отдохнул, дедушка?
- Ох, вздремнул! Хорошо тут в тенечке-то. Ну что, пошли что ль?
- Дед, побряхтывая, встал с пенька, немного постоял, держась за спину, нагнулся чуть вперед, потом назад и сказал:
- Ухайдакали вы меня, девки. Давно так далеко не ходил.
- Так ты сказал, что мы рядом совсем! – воскликнула Алёна.
- Рядом-то рядом, дак, я уж несколько лет от дома дальше реки не хожу. А тут в тайгу! Да по солнцепеку! Малину-то и грибочки я прям за забором собираю.
- А ты сказал, что там нет ничего! – воскликнула Алёна.
- Дак, собрал все... Говорил же, третьего дня...
- Возвращаясь обратно, дед все чаще жаловался на свою несчастную долю, на то, что ему не дойти до дома, и кряхтел.
- Но вот показался забор, за которым действительно сплошняком росла высоченная крапива. Пройдя пролесок, девушки спросили у старика:
- Так почему лес тут так и не вырос. А только молодые деревца, да крапива с кустарником?
- Мы ж тут сеяли раньше. Поле наше тут было. Рожь, овес... А бабушка твоя, – и показал рукой в сторону дороги, по которой они приехали с Иваном, – там еще и картошку сажала. Так я ей помогал всегда, и сажать, и копать, и окучивать. Работа тут тяжелая. А потом как состарились оба, так и сажать-то перестали. Вот все и заросло крапивою, да лесом. Почитай уж лет пятнадцать-семнадцать тут не сажали ничего.
- А как же вы в последнее время обходились?
- Дак, привыкли уже. У меня немного картошечки посажено, а муку, да овес, рожь там, ячмень, нам Иван привозит. Кур кормить. Из муки покупной уж давно печем. А куры они корма требуют.
- Да, – со вздохом сказала Алена. – Тяжело пожилым таким трудом заниматься. Мы б с тобой и сейчас не смогли. – Обращаясь к подруге, сказала она.
- Смочь-то смогли бы, да не приучены! – сказал старик. – А вот кабы тут выросли, так все бы умели.
- Каждому свое! – возразила Катя. – Если бы у меня были родители, и жили бы в деревне, или где-нибудь тут у вас, я бы с удовольствием все делала и им помогала. Только нет их у меня!
- А почему поляны в тайге лесом не зарастают? – спросила Алена.

– А кто их знает! – ответил ей старик. – Природа, у нее свои законы. На том лугу я для коровы своей траву почитай всю жизнь косил. И дед твой, Алёнка, и дядя. Только потом, после школы разъехались все. Так мы тут со старухой и остались, с бабушкой твоей. Корову я давно уж продал. Теперь вот коза осталась одна. Белка.

– А у тебя дети есть? Жена у тебя была? – спросила Алена.

– Была. Да померла рано. Детей у нас с ней не было.

– А те дома, что рядом стоят, пустые, чьи они?

– Дак, наше тут все. Одна изба жены моей покойницы, оттуда ее замуж брал. А вторая, Дедом твоим построена для детей. Их ведь было пятеро у бабушки. Да не остались они тут. Вернее сказать, не вернулись. Вот и забросили его. Так, приезжали порыбачить и в тайгу сходить, но жить там никто так и не жил. Вот и заветшала она. Но еще крепкая. Низ из лиственницы сложен. Крышу Иван перекрыл, чтобы влаги не было. А так его подправить, еще послужит. И жены моей домик не ухожен стоит. Мне-то и своей избы хватает. Там ее семья жила. А после войны все поумирали, я еще долго его в порядке содержал, а теперь одряхлел и я, и дом.

– Печально рассказываешь, дедушка. Так и нет детей-то?

– Ну, почему ж. У меня все твои дядьки в сыновьях ходили. Я всю жизнь тут живу и во всем их матери помогал, – заходя к себе во двор, сказал дед Архип.

– Бабушка твоя кое-что сказать тебе велела, перед смертью. Все тебя ждала.

– Ну, так скажи! – воскликнула Алёна, заглядывая деду в глаза.

Из глаз у старика покатались слезы. Он поглядел на Алёну с таким отчаянием и с нескрываемой нежностью. Утирая слезы, он сказал:

– Устал я, потом. А коли что, так сама найдешь. Когда в доме убираться будешь.

– Что найду? Где? – удивилась Алёна.

– То, что сказать велела. Только гляди, пока я живой не ищи! Я сам должен... Пойду, устал... Вечером приду.

Озадаченные девушки постояли возле его калитки и будто очнувшись, пошли дальше, к своему дому. Уже заходя в сени, Катерина как-то странно посмотрела на Алёну. Перехватив ее взгляд, девушке показалось, что та уже о чем-то догадывается. Хотя о чем? Алёна даже и предположить не могла – что надо искать, где, и зачем! И что должен был рассказать Алёне этот несчастный старик.

Глава 4. Белка

– Что ты на меня так посмотрела? – спросила Алёна у подруги.

– Как? – улыбаясь чему-то, спросила Катя.

– Ты смотрела на меня так хитро, будто догадалась, о чем мне хотел сказать дед Архип.

– Тебе показалось, подруга!

– Нет, не показалось! Говори!

– Ну, если ты настаиваешь... Мне показалось, что дед был влюблен в твою бабушку. И считает тебя внучкой. Вот и все! Может, это было давно, когда они были еще молодыми. А потом, представляешь, как ему тяжело! Они тут столько лет вдвоем прожили, а теперь он один остался.

– Это-то я представляю, только причем тут любовь? У него своя жена была.

– Ой, Лён, это было так давно, и я могу ошибаться. Просто мне так показалось.

– Ладно, давай оставим эту тему. Печь сегодня топить не будем и так жарко. Это вчера, после дождя немного комнату прогрели. Давай поедем, что ль ягод?

– Интересно, а что дед тут ест. Ему дядя Иван все продукты привозит?

– Не знаю, не думала. Яйца и молоко есть. А вот мясо где берет, он же не охотится. Может, рыбу ловит.

– Наверное, – согласилась Катерина и насыпала полную миску ягод. – Давай, садись, кушать подано.

– Ой, какая ароматная! – наклонившись над миской, воскликнула Алена. И с удовольствием проглотила несколько ягод. – И сладкая!

– Не говори, подруга, малина вещь классная. Приятного аппетита, – и налила себе стакан молока.

– А где коза-то наша? – спохватилась Алена.

– Так старик ее увел, пастись. Уж пора приводить. Вечер скоро.

– Ну, отдохнет и приведет, – согласилась Алена, – только, я что-то ее не видела, когда мы из леса возвращались.

– И я не видела! – испуганно проговорила Катя. – А где ж она тогда?

– Ой, Катька, не знаю! – вскочив из-за стола, воскликнула Алена, – пойду в сарае посмотрю, может, она сама домой пришла или мы не заметили, как старик ее привел?

И тут дверь с шумом отворилась, в комнату вошел дед и сев на табуретку, с выражением ужаса и отчаяния сказал:

– Девчата, Белка пропала. Привязал я ее к колышку, на лужайке. Да так устал, что не заметил, что ее уж там и не было. Сбежала коза, иль утащил ее кто.

– Так кто тут утащит-то? Тут ведь никого, кроме нас нет. Тут часто рыбаки появляются или охотники?

– Да не бывает тут никого. Сейчас любители по базам ездят, а у своих – деревенских, у каждого свой участок есть. Давно я тут никого не видывал. Знать, испугалась чего. Или медведь задрал.

– Если бы задрал, так кровь была бы, или следы какие. Ты смотрел, дедушка?

– Да не смотрел я, прямо к вам прибежал. Пойдемте, девчата, покличем ее, может, прячется где?

Выйдя на улицу, девушки и старик подошли к тому месту, где была привязана коза. Старик наклонился и долго смотрел на траву вокруг. Потом прошел в сторону леса и, вернувшись, чуть не плакал. Девушки ничего подозрительного так и не увидели. Ни следов, ни Белки.

– Убежала она, к лесу. Спугнул ее кто-то. Только следов ничьих не вижу. Может, издали увидела кого. Медведя иль охотника чужого. Только людей она не боится, пойду еще на берег гляну, – утирая слезу. – Эх, не уберег тебя я, Белочка!

– Ну, и что делать будем? – спросила Катя у Алёны.

Та озадаченно почесала нос и, посмотрев в сторону леса, слабо улыбнувшись, спросила:

– Ты предлагаешь ее искать идти?

– А ты что предлагаешь? Дед уже плачет, как он будет тут без своей Белки.

– Ну, во-первых, это коза моей бабушки, а не его. А во-вторых, я не знаю!

– Пошли быстро переоденемся, возьмем у деда ружье и поищем ее.

– А вдруг ее медведь спугнул? – слабо возразила Алёна.

– А фиг с ним, у меня ружье будет.

Подошел дед, он плакал. Его худые плечи вздрагивали от рыданий, он оперся на протянутую руку Алёны и сказал:

– Все, пропала наша козочка. Прости меня, Дуня, не уберег я твою любимицу! Прости меня, что же делать-то?

– Что ты там увидел? – закричали обе девушки.

– Медведь приходил. Тот же, наверное. Спугнул он ее, к ней не подходил, возле реки бродил! Видать, и испугалась она... А в лесу ей не выжить. Там и волки и рыси... Все, пропала Белка, и опять зарыдал.

– Так, дедушка, ты носи нам ружье. Мы переодеваться. Сейчас найдем мы нашу козу, не бойся, скоро придем.

– Куда собрались! Не пушу! – закричал старик.

– А мы тебя и спрашивать не будем, – сказала ему Катерина, – носи ружье, говорю!

Девушки побежали переодеваться. Переодевшись, они взяли маленький рюкзачок, положили туда бутылку с водой, горсть конфет и печенье для Белки. Катерина кинула туда две пачки сигарет и две зажигалки, потом удовлетворенно кивнула и вышла на двор, за ней следом вышла Алёна, и увидела, что их уже ждал дед Архип.

На столе, где стояла миска с недоеденной малиной и чашка недопитого молока, остался лежать их новенький навигатор, который они купили накануне поездки в Сибирь. Девушки просто очень спешили и забыли взять его с собой.

– Я с вами пойду, одних не пушу! – кричал старик, цепляясь за руку Алёны. – Не смей, говорю, в тайгу ходить! Я запрещаю!

– Успокойся, дед, мы недолго походим. Белку покличем, мы ей печенье взяли. Давай ружье, я с собой возьму.

– Так зачем оно тебе, ты ведь девка городская и стрелять-то не умеешь. Для спокойствия что ль?

– Вот, смотри! – Катерина почти вырвала из цепких рук старика ружье, немного покрутила его, несколько секунд ей хватило, чтобы понять, как оно работает. Потом вскинула двустволку и прицелилась в летящую птицу.

Потом опустила ружье, встряхнула головой и сказала:

– Нет, не могу по живому, подкинь свою кепку, дед.

Дед Архип, снял кепку с головы и, подкрутив, кинул ее достаточно далеко. Катерина вскинула ружье – раздался выстрел, потом второй и кепка упала на берег реки.

Алёна побежала за ней и не поверила тому, что увидела! Девушка не стала возвращаться, натянув дырки себе на пальцы, она вытянула руку, показывая старику испорченный головной убор. Старик удивленно улыбнулся, покачал седой головой, похлопал Катерину по плечу, сунул ей в карман коробку с патронами, и велел им быть осторожнее. Катя обняла деда и заверила его, что далеко они не пойдут. Девушки уходили по узкой тропинке к лесу, а Петрович, стоял и смотрел им вслед. Старик вздохнул, крикнул, и сказал:

– Эх, хороша девка! Жаль, что Алёнка наша так не может. Господи, помоги им, что же я наделал-то, куда их отпустил, да под ночь! Дурак я дурак, хоть бы обошлось все, хоть бы скорее возвращались. Бог с ней, с козой! Коль не дура, сама вернется!

Девушки решили сначала глянуть за забором, они вошли в высокие заросли крапивы и стали звать Белку. Пройдя почти весь перелесок, обшарив чуть ли не каждый сантиметр, они расстроились, решив, что коза убежала дальше, а, следовательно, и им тоже придется уходить еще дальше от дома. Это их совсем не радовало – солнце уже садилось, вечерело. В лесу становилось не очень уютно и страшновато. Ни та, ни другая решили не показывать друг другу своего страха. Обе уверенно шли по знакомой тропе, ведь сегодня они уже проделывали этот путь. Они смотрели по сторонам, надеясь найти свою пропажу, но как девушки ни всматривались в темнеющие кусты, так ничего и не увидели. Кричать они почему-то боялись, и тихо звали козу по имени. Они все дальше уходили от заимки, а упрямая коза так и не отзывалась. Их успокаивало то, что дорогу они знают, и они шли, и шли, уже с трудом различая что-либо в потемневшем лесу. А противная коза не откликалась, она как сквозь землю провалилась!

Вот они уже стояли у луга, оглядевшись, двинули к тому месту, где собирали днем малину. Обе подруги уже боялись идти дальше, потому что дальше была тайга, темная, страшная и высокая.

– Катя, – шепотом окликнула подругу Алёна. – Здесь ведь где-то медведь бродит. Пойдем обратно, а?

– Сейчас еще тут пошарим немного и будем возвращаться. Подожди! Тихо!

Подруги замолчали. Им вдруг показалось, что они что-то слышат. Кажется блеяние, или просто чуть уловимое движение.

– Вон, она! – закричала Катерина, – Белка, Белочка, иди сюда!

Белка на секунду вышла из высокого леса, постояла немного, потом мотнула головой и убежала обратно. Девушки сломя голову, понеслись за ней:

– Белка, стой! Стой, тебе говорят! – кричала Катя.

– Зараза такая, стоять! – орала Алёна. – Куда же ты, Белочка!

Но коза убегала, не обращая внимания на призывы новоиспеченных хозяек. Девушки поняли, что она сама не издавала никаких звуков, это слабо брэнчала банка из-под сгущенки, которую ей надели на шею, вместо колокольчика. Белка неслась все быстрее и быстрее, и девушки уже почти не поспевали за ней, пытаясь всматриваться в мрачную даль леса и замечая только мелькание беловатой шерсти. Но вот что-то ее остановило. Девушки тоже остановились, и Катя заметила, что коза тщетно пытается освободиться, мотает головой и не может сдвинуться с места. Ага – зацепилась веревкой за сук. Ну, слава богу! Катя подошла к Белке, освободила веревку и крепко ее перехватив, подошла к стоявшей возле толстого дерева подруге. Та привалилась к толстому стволу и никак не могла отдышаться.

– Я так никогда еще не бегала. Это какой-то кошмар, – прерывающимся голосом сказала Алёна. – Бег с препятствиями это не для меня. – Девушка была полновата, и все время боролась с лишними килограммами, посещая спортзал.

– Ты молодец! – сказала ей Катя, – если учесть, что через каждые полметра ты перескакивала через торчащие сучья и сухие ветки, считай, что на первый взрослый сдала! – и задорно рассмеялась.

– Хорошо, что коза нашлась. Вот упрямое животное! Дедушка обрадуется, надо возвращаться, а то совсем уж стемнело.

И тут что-то случилось – коза надрывно заблеяла и рванула в сторону. Катя не смогла ее удержать. Веревка выскользнула из рук, оставив болезненный след на коже. Белка понеслась зигзагами в противоположном направлении – к дому, как показалось девушкам, а за спиной они слышали треск веток и тяжелое дыхание зверя. Девушки обернулись и увидели приближающегося к ним медведя...

Подруги сначала остоленели, потом подпрыгнув на месте, понеслись вслед за козой. Белка бежала странно, она скакала какими-то зигзагами, наворачивая большие петли, да так, что девушки с трудом могли уследить за ней взглядом. Вскоре они стали отставать, Алёна уже не могла бежать, она стала часто падать и цепляться одеждой за торчащие сучья деревьев. Катя ее поднимала, и постоянно оглядываясь по сторонам, пытаясь определить местонахождение и козы, и медведя. Медведь куда-то исчез, Катерина встала над упавшей в очередной раз подругой, вскинула ружье и стала всматриваться в темноту. Потом она в последний раз увидела, промелькнувшую пегую шерсть Белки, и все... Коза убежала. В лесу стало тихо и темно, никаких звуков, никакого движения – лес спал, и даже ночные птицы не подавали голоса. Вокруг стояла тишина, тяжелая, давящая и пугающая...

Утром старый Петрович проснулся от требовательного крика Белки. Он вскочил и побежал к калитке, надеясь, что девушки вернулись вместе с ней. Он не спал всю ночь, вслушиваясь в тишину, и постоянно выходя на улицу, но так ничего не услышал и не увидел. Теперь он молил бога только о том, чтобы Алёнка и Катерина вернулись живыми и здоровыми. Но когда открыл калитку, расстроился. Возле забора нетерпеливо топоча, и м-м-екая стояла только коза. Белка как-то странно вращая глазами, пулей влетела во двор и прижалась головой к его ноге.

Петрович, отпихнул жмущееся к нему животное, и, выйдя на тропинку, надеялся на то, что девушки отстают. Но на тропинке никого не было. По траве расстился туман, а на рябине стрекотали сороки... Коза пришла одна. Девушек с ней не было.

Петрович в сердцах треснул козе промеж рогов, она жалобно заблеяла и убежала.

– Чтоб ты пропала, зараза! – сказал старик, вошел в дом и запричитал. – Господи, да что же это? Куда ж они подевались, что ж с ними будет? Эх, дурень я старый, зачем отпустил девчонок?

Утром подруги проснулись возле ствола огромного дерева. Мох и трава вокруг были мокрыми от утренней росы. Обе, открывая глаза, не могли понять, где находятся, и им хотелось надеяться, что все произошедшее с ними накануне было просто страшным сном. У них над головами шумели сосны, тайга ожила, были слышны птичьи пересвисты, треск сухих веток, шелест листьев, удаленный, но различимый стук дятла. Их испугало какое-то странное шевеление на соседнем дереве, девушки с ужасом посмотрели в ту сторону, ожидая увидеть не белку или бурундука, а спускающегося с дерева медведя – у страха глаза велики! Девушки молча взирали на окружающий их дремучий лес и испуганно озираясь, пытались найти этому хоть какое-то объяснение и выход из этого неожиданного, почти неправдоподобного происшествия.

– Ты что-нибудь понимаешь? – спросила Катерина у подруги, которая была вся испарана и сидела, скрючившись, как старая бабка. Вид у нее был весьма жалкий.

– Не-а! Мы что тут заснули что ль? – очнувшись от страшных мыслей, сменяющих одна другую.

– Наверное! – вставая и пытаясь разогнуть болезненно щелкнувший позвоночник, сказала Катерина. – Ой, спина болит!

– Болит, не то слово! Я вообще ничего не чувствую. У меня все тело ватное. Ну и пробежка была вчера. А куда медведь подевался, как думаешь? Раздумал нами ужинать?

– А, может, он и не хотел нас есть, может, ему коза больше нравилась! – делая наклоны в разные стороны, сказала ей подруга. – Сейчас разомнусь и пойду на разведку.

– Я с тобой. Я тут одна не останусь! Вдруг мишка вернется.

– Да, – осматривая ружье, сказала Катя. – Я вчера даже ружье не перезарядила. Совсем снаровку потеряла. Если бы медведь на нас попёр, все! Нам бы хана настала!

– Ружье было не заряжено?

– Не-а, – Катька начала хихикать, потом перешла на смех... И Алёна поняла, что у подруги это нервное, она хохотала и не могла остановиться...

– Хватит ржать! – заорала Алёна. – Что делать будем?

– Хватит орать! Помнишь, дед говорил, что в тайге надо тихо себя вести, – почти переходя на шепот, сказала Катя. – Доставай печенье и навигатор. Сейчас мигом дорогу нарисуем. К обеду дома будем.

Алёна полезла в рюкзачок, достала оттуда бутылку воды и печенье, потом долго шарила по дну рюкзака, посмотрела во всех кармашках, еще раз обследовала дно – навигатора не было. Катерина, отхлебнув глоток воды из бутылки и подавая ее подруге, внимательно наблюдала за этими манипуляциями. Она сразу догадалась, что самую нужную в данный момент вещь они как раз и не взяли, но не стала сразу разочаровывать Алёну. Она сунула руку в рюкзак, достала оттуда пачку сигарет, зажигалку, и закурила. Алёна продолжала искать навигатор, не веря в то, что его там нет.

– Хватит, его там нет. Мы его забыли, – твердо сказала Катя.

– Как забыли, ты шутишь? Он должен быть где-то здесь, может, вывалился? – и начала ощупывать мягкую, покрытую иголками землю, траву и мох вокруг себя.

– Его нет. Мы его забыли! – надо думать, как выбираться из этого леса без него.

– Это же ужас! – воскликнула Алёна и из глаз у нее брызнули слезы. – Я даже не представляю, как отсюда выходить и в какую сторону идти.

– Сейчас будем думать, только сначала я заряджу ружье. А то вдруг наш ночной гость пожалует.

Алёна округлила заплаканные глаза и зарыдала в голос.

– Ну, перестань. Истерики нам сейчас совсем ни к чему. Ты сейчас была похожа на испуганную лань перед неминуемой гибелью, – попыталась пошутить Катя.

– И что же будем делать? Ждать помощи? – всхлипывая и вытирая глаза грязными руками, спросила она.

– Судя по всему искать нас некому. На заимке только старик. Дядька твой приедет сегодня после обеда. Вернется обратно, или сам пойдет нас искать. Но, думаю, он поедет за помощью. Получается – если он нас сам найдет – это к ночи, а если поедет за помощью, так и вообще... К завтрашнему вечеру... У нас два варианта, ждать здесь и надеяться на то, что нас найдут, или идти самим.

–Куда? Я не знаю.

– Надо попробовать разобраться. Откуда мы пришли, и идти в ту сторону.

–Мы не пришли! Мы бежали, неслись сломя голову за этой чертовой козой, от этого чертового медведя! – снова закричала Алёна. – Ты хотя бы представляешь, где мы?

– Нет.

– Замечательно!

– Ага. Давай перекусим? – сказала Катя и села рядом с подругой. При этом она случайно ударила прикладом ружья по стволу и на голову Алёны с шумом и с треском что-то упало.

– О, гляди, – поднимая это что-то, упавшее то ли с неба, то ли с дерева – вот и завтрак! – Кедровая шишка, приятного аппетита.

– И тебе тоже! – с сарказмом в голосе проговорила Алёна, потирая ушибленную голову рукой.

Немного перекусив печеньем, взятым из дома для Белки, девушки начали лущить большую шишку. Они грызли маленькие вкусные орешки и так увлеклись этим занятием, что на какое-то время даже забыли, где находятся и что с ними произошло. Орешки были такими сладкими и необычными по вкусу, что Алёна даже зажмурилась от удовольствия. В памяти сразу всплыли те дни, когда она была маленькой и жила с бабушкой на заимке. Она вспомнила этот вкус, улыбку бабушки, ее смех и шутки. Ее бабушка была очень веселой. И эти слабые, туманные воспоминания заставили девушку снова расплакаться.

– Помню, как-то раз бабушка дала мне большую шишку с орехами. Я сидела возле печки и никак не могла их достать из-под этих чешуек, а бабушка рассмеялась и назвала меня маленьким бурундучком. Я обиделась, а она улыбнулась, взяла у меня шишку быстро все разшелушила и насыпала передо мной горсть орехов...

– А что было дальше?

– Не помню. Я маленькая была, вот сейчас вспомнилось что-то. И так всегда какими-то урывками вспоминаешь детство...

– Но ты же была с родителями в экспедициях, неужели ты тоже ничего не помнишь?

– Про орехи нет. А так помню, кашу варили у костра, холодно было и противно. Мама злилась, папа тоже, на нее. Со мной он всегда был ласковый. Ссорились они там часто.

– А с вами много народу было?

– Был народ. Только вот один раз мы были одни. Я и не помню, может, мы тогда просто в поход ходили.

– Ага, делать нечего, по тайге в походы ходить, когда и так там полжизни проводишь.

– Тогда не знаю. Просто не помню. Скорее всего, там было много народу. Мне никогда не было страшно, так как теперь.

– Ну, что будем делать, подружка? Будем сидеть тут, или пойдем?

– Думай сама. Как ты скажешь, так и будет. Ты, как оказалось, более приспособлена к экстремальным условиям жизни.

– Тогда давай посмотримся, вспомним, откуда мы все же пришли.

Девушки встали и стали смотреть по сторонам. Их окружал высокий хвойный лес, и ни одного просвета. Катя прошла несколько метров во всех направлениях, но так и вернулась, ни с чем. Лес был везде, как же так? Как так могло случиться, ведь они были совсем рядом с поляной. Сколько они могли пробежать за Белкой – метров 100 или 200, не больше. Почему тогда они не видят ни одного просвета, который, по здравому рассуждению, должен был быть!

– Давай пойдем туда, – сказала Катя и показала направление рукой.

– Почему туда? – удивилась Алёна. – Может, построим что-то вроде шалаша и попробуем дожидаться помощи?

– А если мишка вернется?

– А какова вероятность, что мы не встретим в тайге еще одного, более кровожадного?

– Никакой. Но просто сидеть и ждать нет смысла. У твоего дядьки собаки нет, он быстро нас не найдет, а сидеть тут двое, трое суток я не хочу.

– Я тоже. Может, найдем дорогу или просто более приветливый лес. Где есть малина и какие-нибудь ягоды.

– Давай рассуждать логически. Если нас пойдут искать – там будут собаки. Они обязательно возьмут след. А нам нужно найти какой-нибудь ручей и пропитание. Орехи это, конечно замечательно, – сказала Катя, подбирая еще несколько больших шишек и убирая их в рюкзак, – но от них пить очень хочется.

– Как скажешь. Пошли, терять нам нечего!

– Смотри не потеряй зажигалку и патроны. Без них можно пропасть. У меня есть одна в кармане.

– А зачем ты взяла две?

– Когда я еще занималась спортом, но уже собиралась бросать, я начала курить. Помнишь, я тебе про своего хахалю рассказывала? Это он меня научил. Я имею в виду – курение. Так вот часто зажигалка промокала и не горела. Я стала брать две. Вот и все объяснение.

– А вы тоже в лесу бывали?

– А как же. Но это же не тайга! Там через каждый метр по человеку.

Девушки медленно продвигались по лесу. Под большими кедровыми соснами, было много грибов. Но они их не собирали, пока им надо было попытаться выйти из леса, на какую-то дорогу или просеку, а может, все-таки Катя правильно угадала направление, и они выйдут прямо к заимке?

Глава 5. Поиски

Старый Петрович думал, что не доживет до приезда Ивана. Он не знал, куда себя деть, все смотрел на тропу, по которой ушли Алёна и Катя. И корил во всем только себя, как он мог их отпустить? Двух девушек, да которые в Сибирь только приехали, ничего не знают, приехали к комфорту городских квартир! Но как себя не проклинай, как не мучай, ничего уже не изменишь. Надо их искать, а тайга не городской парк – в ней и сгнуться можно, это-то он уж знал! Одно его успокаивало, что у девушек было с собой ружье, а Катерина, хоть и хрупка с виду, а стреляет не хуже заправского охотника.

Иван приехал только после обеда, взглянув на потерянного и не находящего себе места старика, он сразу понял, что что-то случилось. Дед, виновато посмотрев на него, заплакал, и никак не мог рассказать, что произошло.

– Ну, что? Не тяни резину, говори!

– Девчата пропали! – зарыдав, сказал Петрович. – Вчера к вечеру заметили, что коза наша Белка куда-то подевалась. Я поглядел – медведь ее напугал. Так она – глупое отродье, в тайгу подалась, а девчата ее искать пошли...

– И ты их отпустил? – закричал Иван.

– Да ты не ори на меня, я не отпускал их, они меня и слушать не стали. Катерина у меня ружье выхватила и ушли они. Но ты не бойсь, она хорошо стреляет, я не знаю где и научилась-то так!

– Так они не знают тайги. В этих местах впервые, если они направление спутали и подались через болота, так мы и не найдем их. Собаки след не возьмут.

– Сам искать пойдешь или на помощь вызовешь кого?

– Сейчас сам пойду, не найду за помощью поеду. Да, а как одеты-то были?

– Дак, оделись, так как в тайгу и положено. В сапогах в курточках, да в платочках.

– Хорошо, хоть первое время не замерзнут. Ночью сыровато, да и гнус не зажрет... А коза-то нашлась? – со вздохом спросил Иван.

– Пришла зараза! Одна, а девчата там остались. Потерялись они, ой и дурак же я старый!

– Хватит причитать. Пошел я, жди. Если к завтраму не вернусь, значит, далеко они уже ушли. Без помощи тогда точно не обойтись. Эх, плохо, что связи нет у нас сотовой! К братьям поеду, да кто сможет, пусть приезжают, племянница все ж!

– Не пойдут они, знамо дело, совсем скурвились. Пашкину дочь искать не будут.

– С чего это ты взял старик? – удивленно глядя на Петровича, спросил Иван.

– Ты им о смерти матери сказал? Нет.

– Дак, она сама меня просила. Пока Алёнка не приедет, чтобы не знал никто.

– А почему она тебя так просила? Знаешь?

– Да вроде дом ей оставить хотела.

– А почему именно ей? Не вникал, Ванька?

– Нет. И не думал даже. Ты что-то знаешь старик, что-то мне показалось странным! Не все равно тебе, кому твой дом останется, после тебя!

– Конечно, – хитро посмотрев на Ивана, согласился старик.

– Так ведь у тебя и нет никого!

– Есть. Алёнка. Она ведь мне внучка родная! – опустив глаза, признался дед Архип.

– Как так? Ты что ль из ума совсем выжил? Какая она тебе внучка!

– Родная! Пашка – батя ее, моим сыном был. От меня Дуня его понесла.

– Ну и дела! – обалдело почесав затылок, выдохнул Иван. – Так вот почему мать заимку Алёнке оставить хотела. Она и есть прямая наследница. И с твоей и с ее стороны.

– Ну, почти. Есть и еще одно обстоятельство. Но об ём, я тебе не скажу, пока девок не найдешь! Воротятся, тогда и... Хотел ей вечером рассказать все, да вишь как... А за Пашку ты не серчай, это уж после гибели отца твоего случилось.

– Да что за тайны-то? Ерунда какая-то. Эта заимка только для моих братьев и для их детей имеет какую-то ценность. Они Сибиряки. Знают, какое применение ей найти. А она девчонка столичная, ей-то это зачем? Уедет и все, – потом помолчал, – а почему ты так уверен, что погиб мой батя? Он же в тайге пропал!

– Хватит время терять, Ванюшка. Потом все узнаешь. Искать их надо!

– Все, пошел я, – взвалив на спину тяжелый рюкзак и берясь за ружье, сказал Иван. – Бог даст, найду девчат. Далеко, небось, не ушли.

– Ну, с богом, Ваня, ты на нас с матерью не серчай, любил я ее всю жизнь, а потом, как батя твой пропал, тяжело ей было с вами. Вот и получилось так... А потом и Пашка родился.

– Да, не сержусь я. Что было, то было! По матери он нам всё одно – брат. А Алёнка племяншка. Бывай, старик, пошел я.

Нельзя сказать, что новость, которую только что поведал ему старик Петрович, совсем не удивила Ивана. Он никогда не допускал даже мысли о том, что у его брата Павла другой отец. Хотя и непонятно все – после гибели отца, в которую никто не хотел верить, прошло около года, когда родился Пашка. Тогда они еще маленькие были, что они месяцы считали? Родился и родился, обрадовались все. А мать все отца ждала, или им так казалось? Может, просто боялась, что придет из тайги... Ведь, выходит, что она уж с Петровичем жила. Только не замечали они ничего странного в отношениях Архипа и матери. Помогал он им по-соседски, пока они все маленькие были, да и потом – жили то рядом, считай одной семьей. Дома рядышком стояли. Да, интересная штука жизнь, сколько еще сюрпризов преподнесет? Вот уж 65 годов миновало ему, казалось бы – жизнь прожита и нечего уж от нее ждать... Ан, нет! Еще и тайны какие-то разгадывать надо! Что там старик с матерью от них скрывали? Что отец погиб? Значит, знали, просто детям не сказали. Или не так все было? И почему именно Алёнке мать дом свой оставить хотела? У Петровича-то понятно, какой интерес! Внучка у него одна – Алёнка. А мать что? Дети-то все равны, они ж все ее сыновья, не только Пашка. Так почему Алёнка, а не остальные внуки? Они-то спят и видят, как бы прибрать к рукам заимку. И что их тут так привлекает? – думал Иван, медленно продвигаясь по тайге, высматривая следы.

Вдоль тропинки девушки прошли быстро, не оставив ничего. Ни брошенной сигареты, ни фантика от конфет. Спешили, а вот возле луга, уже на той стороне нашел Иван и сигарету недокуренную, и фантик. Или обрывок обертки от печенья. А дальше шерсть Белки на сучьях деревьев – сначала она побежала в тайгу, а потом вернулась, да все какими-то зигзагами. Это он понял тоже по кусочкам выдернутой шерсти на деревьях. Место, где их спугнул медведь, Иван тоже заметил, и тоже по шерсти, только уже бурой. Интересно тот ли это мишка, что в прошлом году наведывался к Петровичу во двор? Возле большого кедра они долго сидели, судя по примятому мху и, может, даже ночевали. Опять смятая обертка от печенья и фильтр от сигареты. Потом Иван понял, что они немного потоптались на месте, высматривая дорогу, и ушли в сторону... болота. Эх, дурехи! Куда ж их понесло-то, ведь почти у самого края были! А теперь куда забредут, одному богу известно...

Иван крикнул, и не получил ответа. Только спугнул лесных обитателей, вспорхнула птица, перескочила с сосны на сосну белка, сшибая шишки. Пройдя немного дальше, он увидел еще один окурок, поднял его – та же марка, что-то зачастила Катерина с куревом, с испугу, наверное. Подойдя к краю болота, он крикнул еще раз и опять ничего не услышал. Небось, стояли, думали идти или нет. Ведь должны же были понять, что это болото. А вдруг решили, что это и есть тот луг, по которому сюда пришли. А что, похоже! Болото заросло травой, не сразу поймешь, что это такое. Только бы в самую топь не попали! Да вроде мимо прошли – по краю. Так, надо звать людей. Один не справлюсь. Староват стал. Уже неприятно становится – подумал Иван и огляделся. В душу стал забираться холодный, тяжелый комок страха. В груди тревожно заухало сердце, ноги дальше не несли, он остановился, достал пачку «Примы», закурил сигарету и понял, что пересилить себя не сможет. Он перестал любить тайгу, стал ее бояться, и этот навязчивый страх не перебороть ему ни любовью к племяннице, ни чувством долга перед умершей матерью. Ничто и никто уже не заставит его в одиночку, хотя бы на шаг продвинуться дальше. Иван поднял голову – неба почти не видно, только высоченные, устремленные ввысь стволы и зеленые ветви. Ему снова стало жутко, и он стал быстро продвигаться в сторону заимки... Все спокойно, все тихо, ничего страшного нет – уговаривал себя Иван,

ускоряя шаг, стараясь поскорее выйти к лугу. Его гнал их леса непонятный животный страх, он уже почти бежал... Господи, что же это со мной, почему?!

Вернувшись на заимку, Иван вошел в избу к Архипу, и тяжело опустившись на лавку, сказал:

– Не смог я, Петрович, нету их там. Поеду за помощью. Один не пошел.

– Дак, к утру, они уж могут далеко уйти, иль в болоте пропасть, – запричитал старик. Ох, Иван, что же это с тобой в последнее время деется?

– Не знаю я. Не могу и все. Будто не пускает что. Страшно.

– Чего боишься-то? – удивился старик.

– Сам не знаю. А что-то гложет изнутри, сердце замирает, и ноги не несут. Обратно почти бежал. Доктора говорят – фобия называется.

– Много они знают, доктора! – закричал Архип, – пугают народ зазря.

– Нет, Петрович, после смерти Павла у меня что-то прямо перевернулось в душе. Бояться именно с той поры начал.

– Ладно. Спать пошли. Вставать завтра рано надо.

– А что ты там говорил про какие-то обстоятельства?

– А ты девиц привел? Нет. Вот и нечего тебе спрашивать. Я только Алёне скажу, ну, и тебе. У тебя никого нет, тебе Алёнка, небось, тоже дорога.

– Конечно. Почему-то к ней всегда тянуло. К другим племяшам нет. Хотя и помнил-то ее совсем малой.

– А все от того, что она ласковая была, как котенок, а лицом – вылитая бабка. А те твои племянники все как один – бандиты. С малолетства. Как помню, приедут, так тут на заимке такое устроят, хоть прячься!

– Так просто хулиганистые – мальчишки же.

– Не просто! И курям перья выдергивали, и камнями в котят швырялись – одно слово детский бандитизм! – возмущенно сказал Архип. – В деда они такие! Батя твой злой был, вас драл, как сидоровых коз, а на Дунечку мою не раз руку поднимал, так я ему один раз показал!

– Да что ты? Аль не врешь, старик!

– Что было, то и говорю! Врать не приучен!

– А я и не помню ничего, – отставив ружье в сторону и снимая рюкзак, сказал Иван.

– Так мал ты еще был. Не помнишь ниче!

– А в каком году он пропал?

– В середине пятидесятых, точно и не припомню уж. Ушел и не вернулся.

– А не ты ли его убил, дед?

– Душегубом не был никогда! Птицам головы рублю, сто раз прощения попрошу. Не деревенский я в душе! Городской. Мы ведь сюда прибыли из города. Бежали родители мои, после революции подальше в глушь. Вот и забрались сюда. Дом выстроили. С нами еще одна семья была – жены моей, покойницы. А Дуня, мать твоя, вместе с батей твоим, уже после войны тут появилась. Мы им дом и отдали.

Иван смотрел на старого Петровича и не мог поверить в то, что услышал. Неужели все так и было? А мать ничего не рассказала. Так и ушла с этим в могилу. И про то, что отец у них изверг был, детей и жену бил, тоже умолчала.

– Не верю прямо! – сказал он, – дай, что ль воды попить, во рту пересохло!

– Хошь верь, хошь нет. А так и было!

– Так, выходит, мать тут моя на птичьих правах жила, в приживалках у добреньких соседей.

– Как хошь, так и думай. Ее никто отсюдова никогда не гнал, и в глаза не тыкал, что дом ей с детьми отдали. Вы потом выросли, по интернатам разъехались, и не вернулись. А мать никто брать не хотел. Вот и осталась она со мной.

– Врешь, Петрович! Я ей всегда говорил, чтобы ко мне переезжала.

– Дак, это когда уж было-то? Когда она состарилась. А сам-то у жены жил. Пустила бы она мать? Это уж когда сбежала она с городским и дом в деревне ей не нужен стал, тогда и звал!

– А откуда приехали-то вы? – спросил Иван, с интересом разглядывая старика.

– Из Питера мы. Отец мой купцом был, первой гильдии! Богатые были. А сюда приехали, считай уж голодранцами. Ничего от богатства не осталось. И стал он подумывать, как вернуть себе все.

– В смысле? Революцию что ль сделать опять!

– Дурак ты, Ванюшка. Как снова богатым стать!

– А зачем? В нашей стране богатыми нельзя было становиться. Все отняли бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.